

АНЕНА ЦВЕТКОВА

ЮРОДИ

ДОМЬ ПЕКАРА

18+

Алёна Цветкова

Юродь. Дочь пекаря - 2

«Автор»

2026

Цветкова А.

Юродь. Дочь пекаря - 2 / А. Цветкова — «Автор», 2026

Рыж принес недобрую весть: княжна вот-вот родит княжичу сына. Слишком рано, младенец не выживет без помощи Тьмы. А значит люди князя придут и заберут ребенка Озары и Воя, чтобы рассчитаться его жизнью за жизнь законного наследника. Озара с Тишкой и Рыжем бегут из Вартары, пытаются спасти малыша. Тьма устала прятаться в тени и желает править сама. Ей нужны люди, которые станут Ее воплощением в мире живых: вештицы и, самое главное, вешты... Ведь только мужчины способны исполнить Ее мечты о власти над всем миром. И первым, кого Она попытается заполучить, будет Вой, княжич Вартарский.

© Цветкова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алёна Цветкова

Юродь. Дочь пекаря - 2

Глава 1

Семейная жизнь оказалась не такой уж страшной. Для Воя почти ничего и не изменилось, только Златослава из гостевых комнат в его покои переехала.

Пару седмиц после свадьбы княжич от жены молодой ни днем, ни ночью оторваться не мог. Будто путник, жаждой мучимый, от ручья студеного посреди пустыни. Но постепенно красота Златославы стала привычной, а потому скучной и пресной.

Хотя княжна старалась. Наряды каждый день меняла. И улыбалась ему будто смущенно, глазки строила, пряча взгляд за пушистыми ресницами сажей черными.

О делах разговор заводила, и об развлечениях. И во всем-то она разбиралась. Где больше, где меньше. Вой иногда цеплялся за слова-то. Говорил. Когда спорил, когда соглашался... Но все больше отмалчивался и уходил, оставляя жену одну.

Златослава и тренировки свои воинские не забросила. И уж так ловко у нее получалось, что с любимым из парней могла на мечях побиться. Чуть дашь слабину, вспомнив, что с бабой драку затеял, так она тут же тебя в грязи и вываляет.

Мечта, а не женщина...

А все одно... Не хватало чего-то... Тепла... Как-то без души княжна ему улыбалась. Вроде по надобности увлечь пыталась. Да и его интерес не от сердца шел. Оттого Вою от жены, умницы да красавицы какой свет ни видывал, вскорости бежать захотелось. Все нутро в клубок сворачивалось от неприязни ее тщательно скрываемой, и на душе такая тоска мутная царила, хоть волком вой.

Потому через месяц после свадьбы все вернулось на свои места. Княжич жил так же, как прежде: пиво и мед пил, с воинами из отцовской дружины на мечях бился, от воеводиных уроков бегал, баб дворовых щупал, да с отцом по мелочам грызся.

Только Рыжа рядом больше не было. Отправил его куда-то отец. Сказал, что слишком много воли брат его кровный на себя взял. Вой даже не скучал, та странная муть, что отравляла его жизнь, затянула и эту рану, так и не позволив ей вскрыться.

Даже когда жена о беременности объявила, радость мимолетной была. Словно дитя будущее к нему, к Вою, никакого отношения и не имеет. Вот отцу его невестка угодила. Велел князь на крепостной двор бочку пива выкатить, чтоб и люди тоже порадовались. И Вой сначала вместе со всеми хмельного нахлебался, а уж потом вспомнил, по какому поводу праздник.

Зима, весна и лето пролетели будто не бывало. Он и не заметил. Только когда первый морозец траву прибил, будто очнулся. Услышал, как девки за калиной собираются. И всколыхнулось что-то в груди. Сердце застучало, кровь застывшую разгоняя. Вспомнилось, как с Озарой замерзшую ягоду собирал; как глаза дочери пекаря горели, а губы алые блестели, что калина та, и смеялись залиvisto; и как хотелось ему прикоснуться к ним в поцелуе, проверить: сладкие, как сахар, они али с горчинкой.

А губы у Озары совсем ни на сахар, ни на ягоды не похожи оказались. Мягкие, податливые... Словно воск в руках согретый. И на вкус такие же... Как соты медовые. И сама она... До сих пор руки ее тело чувляли, стоило глаза закрыть. Словно не давным-давно все случилось, а вот только что.

Захотелось увидеть ее. Обнять снова. Да, так сильно, что княжич обо всем другом позабыл: и о вине-пиве, и о забавах мужских, и о жене-красавице. Будто из омута мутного выныр-

нул на свет белый. Оглянулся вокруг, велел коня запрячь, да в Вартару рванул, в пекарню. А об том, что целый год уж пролетел, и не вспомнил.

Пока мчал по дороге меж полей скошенных, ветерком его обдуло, совсем хорошо стало. Хмельной угар прошел на свежем воздухе. Полной грудью задышал. На всем скаку руки в стороны раскинул и кричал, захлебываясь стылым воздухом, изгоняя из нутра остатки того странного ощущения, что живет он не свою жизнь, а чью-то чужую.

Когда до Варатры добрался, первым делом к пекарне Абсея отправился. Представлял, как Озара на него взглянет. Как улыбка вспыхнет на ее губах. Как засияют глаза, освещая весь мир ярче солнца весеннего. А он обнимет ее. И больше никогда не отпустит. Потому что осознал, как сильно она нужна ему.

Больше, чем княжество... И пусть отец потом лишит его наследства. Зачем ему богатства, если рядом не будет Озары?

Больше, чем честь исполнить волю царя-батюшки... Пусть царь, недоволен останется, что род мятежный снова против воли государевой пошел. Пусть осерчает и запретит Вою до самой смерти княжество покидать. Зачем ему блеск и роскошь столичной жизни, если рядом не будет Озары?

Больше, чем любовь и уважение князя и отца... Пусть он недоволен будет. Пусть кричит... Пусть кулаком грозит и грозитя от рода отлучить.

Потому что ему ничего не нужно, если рядом не будет ее... Лучше сдохнуть, как собака, под забором, чем и дальше плавать в мутной водиче, которой стала жизнь без нее...

По улицам Варатры летел он, словно от мыслей об ней, крылья за спиной выросли. И только перед новенькими воротами поводья натянул, коня на дыбы подняв.

Спрыгнул, чувствуя, как мягко пружинит под ногами чуть подмерзшая земля. Он как будто бы забыл, что такое жить и чувствовать. А вот сейчас вспомнил.

Легко толкнув калитку, вошел во двор. И замер...

Какой-то худой и белесый, будто седой, мужчина сидел на ступеньках высокого крыльца и держал сверток с младенцем на коленях. Яркий лоскуток на одеяле говорил, что это его сын, первенец. Гордость отца и счастье матери.

Услышав, как хлопнула калитка, незнакомец поднял взгляд на гостя. Узнал мгновенно, встал и, держа сына на руках, поклонился:

- Приветствую, княжич...

Вой замер... Не дурак же. Сразу понял, почему этот рябой и некрасивый горожанин из мастеровых сидит на ее крыльце. И даже голос услышал тихий будто колокольчик кто приглушил, мол, и я сватов жду... Значит, зря он сюда примчался... Это ему она нужна была все это время. А вот он ей вовсе не нужен был.

По уму следовало бы уйти... Отговориться, мол, ошибся. Не к тем воротам завернул. Но он не смог. В груди так жгло... Будто кто головешкой раскаленной наживую ткнул.

Гулко сглотнул, ставшую вязкой слюну. Прокашлялся...

Мужик этот, держа в руках ее ребенка, по прежнему смотрел на него, чего-то ожидая... А Вой ни слова молвить не мог, ни с места сдвинуться. Словно пригвоздило его к земле-то камнем тяжелым. Говорила же она, что люб он ей. А сама... За другого замуж пошла. И дитя ему родила.

Когда успела только?..

Первым не выдержал ее муж. И поклонившись спросил:

- Что вам в доме нашем надобно, княжич? Ежели помочь чем, так вы скажите... Может вам пирогов надобно?

- Пирогов... - голос получился хриплый. Еще раз кашлянул, прогоняя хрипоту и добавил, - а с зайчиной есть?

Муж ее на миг задумался, будто вспоминая, и мотнул головой:

- Нет, княжич. С зайчатиной все сторговали. Остались с калиной, несколько ватрушек и пару расстегаев с налимьей печенкой...

- Неси, что есть...

Ее муж кивнул. С крыльца спустился.

- Давай подержу, - неожиданно для себя брякнул Вой, потягивая руки. И добавил для ясности, - давай ребенка подержу... Неудобно будет пироги нести...

Горожанин на миг задумался, недоверчиво глядя на княжича, а потом в глазах его мелькнуло что-то. Будто кто иголкой его кольнул. Вдохнул тяжело и... Протянул ему ребенка...

- Подержи, княжич, - выдохнул глухо. И в голосе он почувствовал ту же боль скрытую.

Вой взял малыша на руки. Осторожно. Сердце замерло в груди, забыв, что стучать надобно. Легкий какой... Крохотный... Аж дыхание перехватило от осознания, что этого ребенка Озара выносила и родила. Пусть от другого... Но ведь могла и от него.

Он бы хотел. Хотел бы сына. И дочку... И лучше не одну... тогда он бы мог, как мужик этот, гулять с ними. На крыльце сидеть, воздухом дышать, да думать о чем-то приятном. Смотрел бы вдаль, на небо холодное, льдисто-серое. А сердце пело бы от счастья, будто в его жизни каждый день весна...

Муж Озаркин дверь в пекарне открытой оставил. Слышал Вой, как он там гремит чем-то, пироги для него складывая. И решился... Хотя знал, негоже... Сглаз такое дело, невольное...

Уголок одеяла откинул, что у младенчика от посторонних взглядов скрывал. Очень уж хотел увидеть лицо ее сына. И замер... На него в упор смотрели льдисто-серые глаза... Как осеннее небо над головой.

- Вот, княжич, - ее муж вышел из пекарни и поставил на крылец корзинку с печевом, - пироги ваши...

Он смотрел хмуро, исподлобья. И совсем не рад был его приезду. Вою даже почудилось, что не будь он сыном князя Варгарского, этот мужик и вовсе церемониться бы не стал и с радостью почесал бы кулаки об гостя. Неужто призналась ему Озара, что меж ними было? Да, нет... Об таком девки молчат, и даже мамке своей не рассказывают.

Не понятно тогда, чего это он, княжич, не ко двору пришелся-то?

А мужик протянул руки, чтобы забрать ребенка. Вой на миг замер. Понял вдруг, не хочется ему младенца отдавать. Кольнуло в сердце... Захотелось вдруг, чтобы то был его сын. Его и Озары. Даже головой потряс чтоб от наваждения избавиться. И протянул ребенка отцу.

Не его это дитя. А вот этого... И Озара теперь чужая жена. Не его.

Злая обида сжала сердце. Он-то по ней тосковал. А она и думать забыла. Замуж вышла. Живет счастливо.

Да, он тоже женился, подала голос совесть. Но ведь он не своей волей! Его отец заставил. И ведь плохо ему с Златославой-то. Ни красота ее не радует. Ни разум. Ни сила. Ни воля. Все достоинства княжны меркнут пред звонким смехом дочери старого пекаря Абсея.

А у нее все хорошо...

С этим...

Вой медленно отсчитал монеты за пироги. Не поднимая глаз ссыпал в подставленную ладонь. Поднял корзину... Аппетитный запах Озаркиных пирогов заставил задохнуться от резкой боли в груди. Там где сердце.

Развернулся, чувствуя спиной пристальный взгляд счастливого мужа. Ярость всколыхнулась в груди. Тяжелая, темная. Захотелось, чтобы и этому проклятому мужику, и ей стало так же больно, как ему сейчас.

Он уж калитку открыл. А просто так уйти не смог. Оглянулся через плечо и оскалился в злой усмешке.

- Скажи жене своей, что буду ждать ее завтра утром у дальнего оврага, - и добил чувствуя, как ослабляется внутри натянутая струна обиды на весь мир, на отца, на мужа Озаркиного, и на нее саму, - на нашем месте.

И вышел, оставив калитку открытой...

Он даже обрадовался бы, если бы этот мужик кинулся на него с кулаками, не стерпев нанесенной обиды. И выплеснул бы остатки злости, с удовольствием поколотив того, кого она предпочла ему. А потом сдал бы его отцу. И полюбовался как тощую шею с острым клинышком кадыка захлестывает веревочная петля за оскорбление княжеского рода. А уж он, Вой, расстарался бы, и так преподнес отцу всю историю, что у того просто не было бы выбора...

Ну, или промолчал бы... Если Озара захочет искупить свою вину. Представил, как она придет к нему умолять о милости и только в его воле будет стереть слезы с ее лица. И уж тогда...

Но мужик так и не вышел.

Вой мчался в крепость, не разбирая дороги. Почти потухшая было ярость, вновь загорелась и теперь пылала, заставляя его прищипывать коня.

Почему мужик не вышел?

Он ведь его оскорбил. Открыто. Никто такую обиду не стерпел бы. Вой за такие слова, пусть и жена, Златослава, ему не по сердцу, на любого с мечом бы кинулся. Будь то хоть князь соседский, хоть сам царь-батюшка. Лучше смерть принять, чем жить и помнить об том, что жена твоя с другим была.

А он не вышел.

И даже слова не сказал!

Ярость бурлила, требуя выхода..

И почти доехав до крепости, Вой резко развернул коня и поскакал обратно. Потому что забыл у ворот корзинку с Озариными пирогами. Повесил на колышек, когда упряжь конскую проверял — время тянул, ожидая, когда муженек ее туповатый поймет, что именно он ему сказал и драться полезет.

А Озаркины пироги он никому отдавать не собирался. Сам все съест. Пусть даже ему снова станет плохо, как в прошлый раз. От обжорства. И отец снова будет орать, что он безголовый. Ничего. Вештица в прошлый раз вытащила. И в этот вытащит. У отца поди кур без счета.

В этот раз ворота дома пекаря оказались распахнуты. А корзинка с печевом стояла на крыльчке. Рядом с муженьком ее, который явно поджидал княжича-то.

Вой спешил... Незаметно нащупал рукоять кинжала и чуть подвинув ножны, чтобы удобнее было схватить оружие, направился к крыльцу.

Он готов был сражаться с любым, кто встанет на его пути к корзинке с пирогами. Но ее муж сумел удивить его.

- Присаживайся, княжич, - кивнул он на ступеньки крыльца рядом с собой. - поговорить нам надобно.

- Не о чем мне с тобой разговаривать, - процедил Вой сквозь зубы. - Отдай корзинку. За нее плачено...

Мужик кивнул, подвинул корзинку с пирогами к нему. И, не выпуская из рук, произнес. Будто бы спросил, но на самом деле не спрашивая:

- Ты ведь сюда, княжич не за печевом приехал. Мы с тобой оба знаем, для чего ты появился здесь... Сколь уже прошло-то? Год?

- И что? - срок удивил Вой. Но он упрямо вздернул подбородок. Если бы не обстоятельства, то приехал бы раньше.

- Оставь Озару в покое, - вздохнул мужик. - Хватит бабу мучить. Настрадалась она уже...

- А если не оставлю? - с вызовом спросил он.

Мужик вздохнул тяжело.

- Тогда снова ей больно сделаешь. Только-только она раны свои залечила. Я и дышать в ее сторону боюсь, как бы не потревожить ненароком. А ежели она тебя здесь увидит... разбередишь раны-то сызнава...

Вой сжал губы. С одной стороны мужик этот был прав. Княжич сердцем чуял его правоту, но смириться не мог. Разум твердил, что Озара должна быть с ним. А не с этим горожанином с лицом побитым глубокими оспинами.

- Она моя, - выдохнул. И добавил, - мне она честь свою девичью подарила...

Вой думал, мужик разозлиться. И все же набросится на него с кулаками. Но он только невесело улыбнулся и кивнул:

- Я знаю... Озара мне во всем призналась. И об том, что меж вами было. И об том, что дите она от тебя зачала... Только все это, княжич ничего не значит. Даже то, что теперича она моя жена ничего не значит. Главное об чем нам с тобой думать надо, как Озарушке снова боль лютую не причинить.

Он вздохнул. И добавил.

- Ты ведь, княжич и не подумал, каково ей было-то... Немужняя баба да еще с ребенком невесть от кого нагулянным... Думаешь, сладко бы ей жилось? Думаешь, добром она тебя вспоминала бы? Ты ведь никогда бы на ней не женился. От злых языков, бед и горестей не защитил бы. У тебя вон в женах княжна, а не дочь пекаря. Не на своем поле ягоду ты, княжич, стоптал и бросил.

Он говорил еще что-то. Тихо. Спокойно. Убеждал, что он, княжич, должен уйти. Но Вой не слышал. В голове звенело, будто гудошник тянул долгую мелодию из одной ноты. И никак не мог остановиться.

Этот ребенок его?!

Глаза льдисто-серые...

И ведь сразу знакомыми ему показались...

- И слышал я, - меж тем продолжал говорить мужик этот, - что жена твоя не праздна. Значится скоро дитя у тебя родиться. Ты бы, княжич, об том думал, а не по чужим женам таскался, будто голову тебе преклонить негде. А у нас с Озарой теперича своя жизнь. И сын теперича мой. Я за них обоих, княжич, на смерть стоять буду. Не только супротив тебя, княжич. Но и против самой Тьмы, ежели потребуется.

Вой вздрогнул.

Об этом-то он совсем забыл...

Прав мужик этот. Наследник княжий скоро родиться. И если отец узнает, что он, Вой, девке Вараторовской ребенка заделал, то ждет сына Озариного такая же участь, что и Рыжа. Будет всю жизнь с братом жить, родство скрывая. Чтобы в случае чего жизнью своей Тьме заплатить за княжича... Отец ради наследника никого не пожалеет.

И второй раз вздрогнул Вой. Потому что вспомнил: Рыж пропал аккурат тогда, когда с ним болезнь приключилась. А ежели нет больше Рыжа-то? Если отец уже Тьме его отдал?! А ему соврал, будто спровадил брата из крепости?

На миг почудилось Вою будто оглох он... Не слышал, что там продолжал бубнить мужик, занявший его место рядом с Озарой. В голове стало тесно, мысли бегали и цеплялись друг за друга, словно репы за одежду, когда идешь сквозь заросли лопуха...

А потом вдруг, словно сами собой все репы опали. И Вой мгновенно осознал, что он должен сделать, чтобы, вопреки словам мужика этого, защитить Озару и их сына.

- Кто еще знает, что ребенок от меня? - резко перебил он болтовню ее мужа. - Вы хоть кому-нибудь говорили об этом? Может родителям? Родственникам? Друзьям?

- Никто не знает, княжич, - услышав его твердый тон, мужик непроизвольно склонил голову. - Мы всем говорим, что мое это дитя.

Вой на миг прикрыл глаза. Половина страха, что нахлынула на него, когда он вспомнил про Тьму за спиной вештицы, ушло.

Он невольно улыбнулся. Значит малому ничего не грозит. Сам-то княжич точно будет молчать.

- Хорошо, - кивнул он замолчавшему горожанину. - А дальше молчите. А я не приеду больше. Скажи Озаре, что навсегда она в сердце моем, но ради сына нашего дорогу к ней забуду.

Закончил он тихо. Подхватил корзину с печевом и пошел прочь. Если отец вздумает проследить за ним, то он ни за что не должен догадаться, что его что-то связывает с дочерью пекаря помимо любви к ее пирогам.

И только когда уже стоял в воротах, повернулся к мужику, застывшему на крыльце:

- Как звать-то тебя?

- Тихомир, княжич...

Вой вздохнул. И попросил:

- Береги их, Тихомир. Обоих...

Глава 2

Княжич уехал. Забрал корзинку с печевом, запрыгнул на коня и ускакал прочь. Только в этот раз, Тишка был уверен, что он никогда не вернется.

Тяжко вздохнул. В сердце жгло, будто утюг со свежими углями на груди оставил. Он никогда еще не говорил так складно, как сейчас с княжичем-то. Видать у страха не только глаза велики, но и язык шустр.

Он ведь все понял-то, едва княжича на пороге увидел. Очень уж Абсеюшка маленький на папку своего похож. Особенно глаза... По глазам-то он и спознал «сродственника». А то ведь раньше никак не мог понять, у кого из его знакомых такой льдисто-серый цвет глаз. Помнил, что видел такие... Не помнил только у кого.

Что и говорить, дюже боялся Тишка счастье свое долгожданное потерять. Как Озара согласие дала, так до самой свадьбы спать не мог от страха-то. А вдруг невеста передумает?

Да, и потом чуть не каждую ночь кошмары снились: будто приходит в избу знакомец с льдисто-серыми глазами и говорит, мол, пойдём-ка, Озарушка, со мной. Осознал я, что глупость великую совершил, когда от тебя, да от дитя своего отказался. Люба ты мне, жить с тобой хочу.

А Озара такие речи услышав, вспыхивает от радости и по избе бегаёт, вещи собираючи... Не свои, его... И после протягивает узел ему, и говорила, мол, иди-ка ты, Тишка, домой, к дядьке Милославу. А в моем доме теперича другой хозяин будет.

И в этот самый момент он просыпался, воздух ртом хлебая от ужаса. И сердце каждый раз колотилось так, будто с горла выскочить пыталось. И руки мелкой дрожью тряслись, когда он принимался щупать вокруг себя, чтоб убедиться: рядом жена его любимая. Спит спокойно и выгонять его не собирается.

Кто же знал-то, что его самый жуткий кошмар вот так вот, наяву, сбудется?

Что явится к ним в пекарню княжич...

И скажет, мол, дай сына поддержи...

А он, Тишка, так от страха онемевает, что и противиться не сможет. Сам своими руками дитя ему отдаст... А потом будет пироги в корзинку складывать не глядя, ругать себя мысленно всеми самыми нехорошими словами и трястись, что княжич Абсея в крепость увезет.

Потому, когда княжич мальчонку ему вернул, в голове Тишкиной так гудело, что он и не слышал ничего... Видел только, как княжич дюже озлившись на что-то, на коня вскочил и умчался прочь.

А у Тишки все перед глазами плыло... Уж и не помнил, как в избу вошел. Абсея в колыбельку пра-прадедовскую положил... Качнул ее, рукой завитка бережного коснувшись. И почудилось ему, что тот самый прадед, который колыбельку смастерил, вздохнул тяжело и головой покачал укоризненно. Стыдно, мол, за тебя, потомок... Ой, стыдно... Отродясь такого не было, чтоб мужчины рода нашего запросто так отступали и семью свою защитить не пытались даже. Тебе не от страха трястись надобно было, а дрыном отходить наглеца Озарушке обиду учинившего...

И так ясно он услышал пра-прадедовский вздох, что аж не по себе стало. Выскочил на крылец, чтоб воздуха свежего и холодного вдохнуть, случайно взгляд на столбик у ворот бросил. А там корзинка с печевом висит.

Понял Тишка: вернется княжич-то. Вот он повод... А то и не один вернется, а со стражей. Чтобы Абсеюшку забрать. И Озару...

Дрын подходящий Тишка из поленицы вынул. Взвесил, чтоб по руке был. Прикинул, как биться будет.

Оно может и глупо-то против мечей с дрыном идти. Только он ведь не воин, и меч отродясь в рука не держал. Потому-то и нет у них в хозяйстве мечей. Да, даже если бы был, дрыном-то сподручнее. На палках-то они с мальчишками дрались бывало.

Ворота тоже нарочно распахнул на всю ширь. Надеялся, что соседи увидят. Ежели не вступятся, так Озаре потом обскажут все как было. Что муж ее до последнего вздоха и жену, и сына защищал.

На крылец сел. Дрын рядом положил, чтоб ежели что дотянуться легко было, корзинку поставил у ног и стал ждать войска княжеского.

Хорошо Озарушка к оврагу дальнему поехала за калиной-то. И теперича только к вечеру вернется.

Княжич примчался дюже быстро. И один. Без дружины.

Тишка медленно поднялся... Коли княжич решил один на один биться, значит есть еще надежда миром разойтись, словами спор уладить. А дрын-то вот он рядом. Ежели что успеет схватить.

- Присаживайся, княжич, - кивнул на ступеньки рядом с собой, - поговорить нам надобно...

А потом он говорил. Слова будто сами лились. И видать получалось у него как надо, злость с лица княжича уходила. Сначала удивление появилось. Мол, не ожидал я, что ты, простолоудин безродный, такие речи вести можешь.

Когда Тишка прямо сказал, что жизнь готов положить, защищая то, что дорого ему больше всего на свете, княжич и вовсе испугался. Да, так сильно испугался, что с лица спал и задрожал будто...

И вдруг резко взгляд его похолодел, решительным сделался. И тон, которым гость незванный заговорил, совсем другой был. Твердый. Резкий. Княжеский. Тишку проняло неволью и не посмел он соврать, даже если бы и хотел.

Потому и признался честно, что тайну Абсеюшки ото всех они скрыли. Никто на всем свете не знает, что не его это, не Тишкин, ребенок-то.

Княжич, повелев семью свою и дальше беречь, снова на коня вскочил и умчался. Но в этот раз Тишка уверен был, что не вернется он снова. Никогда не вернется. И не станет больше меж ними с Озарушкой путаться и мешаться.

Правда, Тишка не совсем понял последние слова княжича. Мол, ради сына не стану в жизнь вашу вмешиваться боле. Но у князей, поди, свои причуды, простому люду не понятные.

Вечером, когда Озара вернулась, Тишка впервые не боялся, что кто-то отнимет у него его счастье. И так обнял жену, что она почувяла что-то. Глаза подняла на него и сказала:

- Ох, Тишка, как же хорошо, что мы вместе... Навсегда, - выдохнула и улыбнулась...

- Навсегда, - прошептал он в ответ.

А об том, что княжич приходил, Тишка ничего Озарушке не сказал. Неча... Все одно не отдаст он счастье свое долгожданное никому.

Вой так и мчался галопом до самой крепости, влетел во двор и на ходу с коня спрыгнул. Под ногами громко хрустнул лед, затянувший неглубокую лужу, жирная грязь плеснула на сапог, но княжич не заметил. Перекинул уздечку подскочившему конюху и помчался в терем княжий к отцу. Он немедленно хотел знать куда делся Рыж. И ежели вправду отец тишком, Воя не спросив, Тьме его отдал...

Что он тогда сделает, княжич еще не знал, но он точно не забудет об том. И не простит....

Князь, как всегда сидел за столом и что-то подсчитывал в потрепанной хозяйственной книге. Вой привычно стукнул костяшками по косяку, вломился в отцовские покои и с порога рывкнул, неволью показывая всю свою ярость:

- Где Рыж?!

В глазах отца мелькнуло такое же привычное недовольство. Но он ответил ровно и спокойно, как всегда:

- Я отправил его прочь из крепости. - И, не сдержав эмоций, пробившихся сквозь маску холодного безразличия, добавил, - я тебе уже говорил...

Но княжича его слова совсем не успокоили. Наоборот, он подскочил к отцовскому столу и, сдвинув в сторону стопки каких-то бумаг, оперся ладонями об гладкую столешницу из заморского красного дерева, и повторил свой вопрос:

- Отец, где Рыж?!

Князь насмешливо фыркнул и откинулся на спинку тяжелого деревянного кресла с искусно вырезанными замысловато переплетающимися спиралями... Ему недавно поднесли в дар... И кресло это ему очень нравилось.

- Я же сказал тебе, - голос его стал глубже и будто бы еще холоднее, - я отправил его прочь из крепости...

- Куда?! - Вой поймал взглядом льдисто-серые глаза отца, мельком отметив, что сын, которого он сегодня держал на руках, больше похож на деда, чем на него. Кожа светлая. А в нем слишком сильна ханойская кровь. - Куда ты его отправил?!

На губах старого князя появилась легкая улыбка. Или скорее ее тень. Будто бы он был доволен тем, что видел в глазах княжича... Будто бы его радовало то, какую боль он причинил ему, отобрав единственного по-настоящему близкого человека.

Ярость вспыхнула в княжиче, словно сухая солома от поднесенной к ней свечи... Он оскалился, показывая зубы, и зарычал, словно дикий зверь, еле сдерживаясь, чтобы не ударить изо всех сил в лощеное и равнодушное лицо князя.

- Куда ты его отправил?! Говори!

Улыбка на губах отца стала чуть заметнее. Он даже позволил себе усмехнуться. Словно то, что сын прямо сейчас готов был поднять на него руку, совсем не пугало. Он оттолкнулся от резной спинки и приблизился к нему, почти коснувшись носом носа Вой.

- А что?! - вкрадчиво спросил он. - Рыж уехал еще прошлой зимой, почему именно сейчас тебя вдруг заинтересовало, куда он отправился? Что случилось, сын?

И почудилось княжичу, будто душная и теплая, как парное молоко, Тьма сгустилась вокруг, готовясь кинуться на помощь... К кому?! Он не знал... Она просто была рядом... Одновременно объединяя их с отцом и разделяя навеки.

- Ты, - голос Вой дрогнул, - отдал его Тьме?

Говорить о Ней в Ее присутствии опасно... Княжич невольно смягчил тон. И вопрос прозвучал совсем не так грозно, как ему хотелось бы...

Улыбка князя расплылась по лицу. Он расслабленно откинулся на спинку кресла. И фыркнул:

- С чего ты взял? Конечно, нет. Зачем так бездарно раскидываться шансами? Нет, сын. Не бойся, твоей жизни ничего не угрожает, Тьма готова принять откуп еще раз. Это все, что ты хотел знать?

Вой мотнул головой. Тьма пугала его. Он чувствовал Ее липкие прикосновения. Словно незримые щупальца обвивали тело, касаясь слегка влажными, похожими на тину, нитями открытой кожи.

- Нет... Я просто хотел знать куда ты его отправил? - голос княжича дрогнул. Он отступил. Снова. Как всегда. И от собственного бессилия захотелось закричать от обиды... Завыть. И спрятаться... Забиться в какую-нибудь щель, чтобы Она его не достала. Он боялся Ее.

- Я же сказал, - начал было князь наставительно. Но Вой перебил его:

- Отец! - отчаянно закричал он, - я знаю, что ты говорил! Но скажи мне, куда ты его отправил?! Я хочу его увидеть!

Теперь княжич смотрел на отца совсем по-другому. Он не требовал, он умолял. Князь на миг замер, а потом его взгляд смягчился. И сразу схлынула Тьма, оставив после себя только промокшую от пота и Ее влажного дыхания спину.

Отец тяжело вздохнул... Встал... Отошел к окну...

Вой терпеливо ждал ответа. Он чувствовал, отец дал слабину.

- На конюшне твой Рыж, - глухо ответил князь. - Жив и почти здоров...

- Почти здоров?! Что это значит?! - испугался за брата княжич.

Князь снова вздохнул. Вой чувствовал, он не хотел говорить. Но все же повернулся и, глядя прямо ему в глаза, честно ответил:

- Твой Рыж таскался за твоей женой. Пришлось чуть-чуть подправить... А Тьма... Ну, ты и сам знаешь, чем это может обернуться.

- Нет! Не может быть! - выдохнул княжич... Волна паники поднялась и затопила все нутро, да самых краев. Он знал. Он очень хорошо знал, что может быть теми, кого «подправила» Тьма...

Но отец понял его возглас совсем по-другому:

- Увы, сын... даже те, кому ты доверяешь больше всего, готовы воткнуть нож в спину. Если бы я не остановил его, то могло бы случиться, что твой наследник родился бы рыжим и конопатым, - невесело усмехнулся он. - Но сейчас можешь быть спокоен. Твоя жена точно носит твоего ребенка.

Вой прикрыл глаза. Меньше всего его сейчас заботила Златослава и их ребенок. После того, как утром схлынула эта странная муть он ничего не чувствовал к златовласой княжне и ее ребенку. Ничего, кроме равнодушия.

Но не говорить же об этом отцу...

- Пойду навещу Рыжа, - буркнул он, обрубая разговор и стремительно вышел, успев заметить, как из-за высокой спинки отцовского кресла метнулась тень.

- Ты все сделал правильно, князь, - голос вештицы шипел, как горячее масло в на походной сковороде, - еще немного и твой сын будет готов принять Тьму... Ему не хватило всего чуть-чуть... одного шага...

Князь хмуро взглянул на склонившуюся в жутком подобии поклона Светлолику. Тьма, наполнившая ее тело, будто забыла, что люди не такие гибкие и не гнутся где попало.

- Скоро он станет вештом, - победные нотки скользнули в измененный Ее силой голос.

Она расхохоталась, заставив его дрогнуть и пропустить сквозь тщательно выстроенную заправду всего одну самую наглую мурашку, которая пробежала по позвоночнику вниз, быстро перебирая крохотными лапками.

И Тьма почуяла его сомнения, Светлолика сделала несколько пугающе плавных шагов и оказалась прямо у него перед носом, втиснувшись между креслом и столом... Хотя свободного места там оставалось едва ли с ладонь...

- Твой сын получит огромную силу, - шептала Она, заглядывая в глаза, - вся мощь Тьмы будет к его услугам. Он легко покорит любого и возвысит твой род над всеми. Сам царь будет послушно есть с его руки....

Князь слушал и кивал. Он уже много раз слышал все то, что Она говорила. И знал, Она не врет. Тьма жестока и безжалостна, но Она никогда не врет. Не умеет. Пусть цена Ее помощи запредельная, но Она никогда не лукавит, называя эту цену.

Но сегодня все почему-то было не так... Обычно ему хватало Ее заверений. Но сегодня он позволил себе засомневаться:

- Да, я знаю, но... - он запнулся. Не знал что сказать. Он чувствовал это «но», но не мог подобрать слова, которые бы обозначали его ощущения.

Она снова рассмеялась:

- Не бойся, князь... Мальчишка будет тебя благодарить.... Потом... Когда поймет ради чего все это было.

- Я не боюсь, - глухо ответил он. Соврал. Как всегда. Когда Она была так близко, как сейчас, ему было страшно.

- Ты уверен? - фыркнула Она. Как будто бы догадалась, что он врал не столько Ей, сколько себе...

Он всегда мечтал о том, чтобы сын стал сильнее него самого. Чтобы он мог сделать то, на что у самого князя никогда не хватило бы духу: стать вторым во всем Хоруме после царя...

Или даже первым...

Вартаровский князь достоин большего, чем крохотное княжество на краю царства. Ведь если бы его предок не спас царевича в той битве, за которую его одарили титулом и поместьем, никакого Хорума уже и в помине не было бы. Династия удержала престол только благодаря его пра-пра-прадеду... Но вместо благодарности и почета их род сослал куда подальше. А царь до сих пор при каждом удобном случае напоминает о том, кому они обязаны всем, что у них есть. И каждый раз князь с трудом удерживает язык за зубами, чтобы не ответить тем же.

А Вой сможет это сделать, когда получит такого союзника, как Тьму... Старый князь улыбнулся. Он сотни раз в красках представлял эту сцену: вместо того, чтобы замолчать и склониться в поклоне, показывая свою покорность, его сын усмехнется и выскажет царю то, о чем молчали поколения его предков.

Ох, как скривится холеное лицо правителя Хорума после его слов!

В этой гримасе будет все...

Удивление. Да, как этот наглец посмел возражать ему, царю?!

Злость и ярость. Глаза царя будут метать громы и молнии, желая наказать Воя самым жестоким способом.

Но больше всего в глазах царя будет страха. Настоящего, глубинного страха, который способна вызвать только Она. Тьма. Тьма покорная и послушная воле его сына.

Это бабы служат Ей. А мужчины Ею повелевают...

Поэтому-то Она не привечает мужчин. Вештицами чаще всего становятся женщины. Такие, как Светлолика... Доверчивые дуры...

Он и сам мог бы стать вештом, если бы не Тенголь... И Вой... Тьма назвала свою цену, но отдать Ей тех, кто стал его жизнью, его сердцем, он не смог.

А у Воя никого нет. Князь постарался, чтобы все было именно так. Чтобы сын ничего не потерял от сделки с Тьмой. Только приобрел.

- Уверен, - тряхнул он головой, отвечая на Ее вопрос. И, глядя в глаза Светлолике, обратился к Ней напрямую, - Ты же видела его... Он готов был кинуться на меня. Убить. Он раскрылся... И призвал тебя... Ты ведь пришла на его зов.

- Да-а-а, - выдохнула Она и, извернувшись, выскользнула из-за стола, отпуская князя. - Ты прав...

Князь отодвинулся... Теперь, когда Она не смотрела в его глаза, он чувствовал себя куда спокойнее. И потому не смолчал:

- Не понимаю, почему Ты упустила момент и не заняла его сердце?

Светлолика смотревшая куда-то в сторону в один миг развернулась и уставилась на него. В ее глазах горело пламя Ее ярости.

- Не смей мне указывать, человечешка! - не разжимая челюсти прошипела она. - Я сама решу, когда придет время!

Князь сглотнул. И невольно оттянул воротник рубахи. Как будто бы его душила ткань, а не Тьма, обхватившая горло невидимой рукой.

- Прости, - выдавил он хрипло. - Я был не прав. Конечно же, все решает ты. Только ты... Светлолика удовлетворенно кивнула. Хватка ослабла, впуская в легкие князя воздух.

Он закашлялся...

А Тьма смотрела на него и хмурилась... Она не стала говорить князю то, что почувала: Вой изменился. Он не стал ближе к Ней, а наоборот, как будто бы отдалился. В прошлый раз, когда она готова была пробудить спящую в его сердце часть себя, шаг который оставался княжичу до Тьмы был гораздо меньше, чем сейчас.

Глава 3

Златослава сидела на лавке, задумчиво перебирая узоречье. Она доставала искрящиеся в тусклых лучах зимнего солнца обручи и перстни из небольшого ларца. Рассматривала их на просвет и складывала на стол. Она сама не знала, что ищет: роль каждого украшения давным-давно была определена. С чем и когда надевать то или иное кольцо княжна знала назубок. И могла достать нужный браслет в темноте на ощупь.

Но сейчас в груди тянуло...

То ли тоска то была по родному дому... Как ни старалась княжна, но крепость Вартаровская так и не стала ей домом. Здесь по-прежнему все было чужое, не близкое. Слишком сильно уклад отличался от того, к которому она привыкла. В их тереме все было чуточку не так. Будто бы добрее... Ласковее... И бабушка, путь и был строг, а все одно, помягче свекра... И матушка, пусть и была мачехой, а Златославу любила. Здесь же единственным человеком, достойным любви была ханойская принцесса, княгиня Тенгюль. Даже Вой, муж ее и сын-наследник князя, любви отцовской оказался не достоин...

То ли грусть-печаль о судьбинуше горькой... Рыж пропал с той памятной ночи, когда она подсыпала княжичу порошок любистока в пироги, что притащился девка, полюбовница Воя. Обманула она тогда князя-то... Знала, что сыпала. Поди сама собирала ядовитый корень в пору цветения, сама сушила тайком... Не для Воя... Так просто... Сама не знала зачем... Потому что хотела.

А как Рыж в покои ее вошел и с братцем разговор завел... Отчаянно захотелось, чтобы так было всегда, чтобы мужем ей стал этот рыжий и такой забавный сын князя Вартаровского, а не Вой. И помутился рассудок. Почти и не помнила, что дальше делала. Как в тумане достала мешочек с ядовитым корнем, как щедро сыпанула в корзинку на пироги. Будто надеялась, что одним махом двух зайцев убьет: и от жениха нелюбимого избавится, и девку его брюхатую погубит.

А об том, что ее ждет, когда правда вскроется, и не подумала. Коли жена мужа на тот свет отправит, так и титул княжий от казни постыдной не спасет. И дружба между бабушкой и царем никакого значения иметь не будет. Поволокут княжну на площадь, к столбу позорному привяжут на поругание, а потом заперют до смерти.

Уж потом, когда шум поднялся, поняла, что натворила. Испугалась... И решила, что должна во что бы то ни стало вину от себя отвести. Потому и во взвар свой яд намешала. И порошок ядовитый в полный мешочек любистока, у знахарки купленного, высыпала. Будто всегда он тут и был.

Когда ее к князю вызвали, думала, не сдюжит. Признается во всем. Никто не знает, чего ей стоило делать вид, что она тут не при чем... Особенно, когда увидела вештицу, которая пряталась за спинкой кресла княжеского. Тьма в ее глазах пугала...

Златослава передернула плечами, и прикусила губу, чтобы не заплакать.

Тьма... Во всем была виновата Тьма. Ежели бы она могла вернуться в прошлое, то умоляла бы бабушку не отдавать ее Вою... Лучше за конюха взамуж пойти, чем за будущего князя Вартаровского...

Дверь в покои княжича без стука распахнулась на всю ширь, гулко стукнув деревянной ручкой по стене. От неожиданности княжна вздрогнула и выронила браслет из зеленого малахита на пол. Он покатился по полу, тихо постукивая камушками и виляя, а потом упал прямо посреди комнаты. Но поднимать не кинулась. Замерла без движения, закрыв глаза от страха.

Ей не надо было поворачивать головы, чтобы узнать, кто к ней вошел...

Она и так знала...

Только руки опустила на колени, чтобы Она не видела, как сильно они дрожат.

- Мерз-завка! - зашипела вештица. - Ты что же забыла, чем мне обязана?!

- Н-нет, - прошептала княжна, опустив голову. Наверное, потому она сегодня себе места и не находила. Знала, что она придет... - Я делаю все, как вы велели...

- Я велела тебе подмешивать княжичу в питье травку особую! - негромко рывкнула вештица, запуская толпу мурашек по спине Златославы. - А ты явно забыла сделать это сегодня утром...

- Я не забыла, - голос охрип, а руки тряслись так сильно, что пришлось вцепиться в подол платья, чтобы унять дрожь. - Я не забыла... Просто... Травка кончилась...

Последние слова прозвучали почти неслышно. Но она поняла...

- Почему ты мне не сказала? - нахмурилась вештица.

Златослава прикусила губу... От страха кружилась голова. Слезы вскипели и встали в горле, перекрывая воздух. Она не могла сказать всю правду. Не могла признаться, что очень долго ждала, когда представится случай, и сделала все нарочно, чтобы подарить себе и Вою еще один шанс. Потому что тогда Тьма уничтожит ее. Без жалости. Она не умеет жалеть.

Поэтому княжна вскинула голову. Призвав всю свою силу воли, взглянула вештице в глаза, и произнесла часть правды. Так же, как тогда в покоях князя. Она ведь и вправду сыпала приворотное зелье и Вою, и себе, надеясь приворожить друг к другу.

- Вы не говорили, что я должна это делать. Вы велели сыпать по щепотке в утреннее питье... Но не предупредили, что я должна сказать вам, когда порошок закончится.

Златослава внутренне сжалась... Сейчас все решится. Либо Тьма примет ее ответ, либо нет...

Что ее ждет, если Тьма догадается о тайных намерениях? Ничего хорошего... Златослава подозревала, что смерть ее будет такова, что она еще пожалеет, что не призналась в попытке убить жениха.

Вештица оскалилась показывая зубы.

- Мерз-завка, - снова зашипела она. И достав из под полы мешочек с травой, швырнула его на стол. - Держи! И предупреди меня, когда трава закончится. Поняла?!

Княжна молча кивнула. На мешочек она и не взглянула.

- А иначе, - Тьма снова проявила себя жутким потусторонним хохотом, от которого стыла кровь в жилах, и прошептала тихо-тихо, с каждой фразой повышая напряжение, - я убью... тебя... твоего сына... и Рыжа...

Выскочив из покоев отца, Вой сразу же помчался на конюшню. Именно туда князь ссылал всех неугодных после того, как с ними «поработает» Тьма. Он всегда говорил, что навоз чистить много ума не надо. А без пригляда тех, кто недоброе мыслил лучше не оставлять.

- Рыж! - закричал Вой, влетая в тяжелый, чуточку влажный и пахнущий навозом полумрак конюшни. - Рыж! Я знаю, что ты здесь! Выходи!

После дневного света он на какой-то время ослеп и замер у порога, часто моргая, чтобы глаза привыкли к темноте конюшни. И прислушался... В конюшне совсем не было тихо. Жевали хрусткое сено лошади, громко дыша и переступая с ноги на ногу, слышались перешептывания конюхов... Скорее всего они болтали о чем-то своем, но замолчали и затаились, когда он вошел. Где-то рядом громко всхрапнул конь... А Рыж не отозвался...

Сердце Воя встрепенулось в груди от накатившего страха: а вдруг его брат и единственный верный друг совсем плох? Отец ведь ничего не сказал о том, в каком он состоянии. А вдруг Рыж разум потерял и теперь сам на себя не похож?

- Рыж! - заорал он, невольно пропуская накатившую панику в голос, - Рыж!

Глаза привыкали, темнота вокруг потихоньку рассеивалась, Вой уже различал очертания деревянных загоронок денников, головы любопытных лошадей, кучи не до конца убранного навоза, сваленного в длинном и широком проходе...

- Рыж! - позвал он снова, вложив в этот крик все свое отчаяние, всю свою боль... И повторил почти шепотом, - Рыж...

- Что тебе нужно от меня, Вой? - услышал он глухой незнакомый голос, только отдаленно напоминающий голос брата.

- Рыж, - выдохнул он с облегчением и невольно улыбнулся, - живой...

Рыж промолчал. Теперь Вой увидел его... Он стоял у одного из денников, прислонившись к деревянной перегородке и положив руки в карманы, смотрел не на него, а куда-то в сторону. Как будто бы не хотел его видеть. В темноте светлым пятном выделялось его бледное лицо и необычно длинные волосы...

Вой сам шагнул к нему и обнял непривычно костлявое тело.

- Рыж...

Рыж на миг замер в его руках, а потом резко дернулся, вырываясь.

- Что хотел, княжич? - снова спросил он. Но в этот раз в его голосе уже не было зимней стужи, от которой мороз бежит по коже. И Рыж не сдержался, - целый год не нужен был. А тут вдруг понадобился?

Вой замер... Он и сам не понимал, как так вышло. Весь прошлый год будто бы пролетел в один миг и стерся из его памяти. Он тряхнул головой и признался Рыжу, как на духу:

- Прости, брат... Сам не знаю, как так вышло. Я весь год будто в дурмане хмельном был. Ничего толком не помню. Кажется, только вчера обоз с невестой встречал...

Рыж нахмурился. Темнота уж рассеялась, и теперь Вой видел, что его слова совсем не понравились брату.

- В дурмане, говоришь? - переспросил он.

Вой тяжело вздохнул... Неужели не верит... Хотя он и сам в такое вряд ли поверил бы... Даже в хмельном угаре такого не бывает, чтоб казалось будто на себя и свою жизнь со стороны глядишь.

- А, - голос Рыжа дрогнул от затаенного страха, и брат понизил голос до шепота, - вештица тебя никакими отварами не поила?

Вой нахмурился... сосредоточился, силясь вспомнить... И помотал головой:

- Нет... Я ее почти и не видел. Она все больше с отцом время проводит... Сам знаешь...

Рыж кивнул. На миг задумался, глядя куда-то в сторону. А потом решительно тряхнул обросшими патлами и сам шагнул навстречу Вою...

- Я скучал по тебе, брат, - выдохнул он.

Рыж обнял княжича. И сердце впервые за этот бесконечно длинный год полный беспросветного отчаяния появилась крохотная искорка надежды. Он-то думал, что все кончено. И Тьма уничтожила все, к чему прикоснулась в ту памятную ночь, когда он сам, лишившись воли от страха перед Ней выдал себя. Признался не только в том, что сделал супротив воли княжеской, но и в том, что думал, в том, о чем мечтал.

Рассказал князю, как замирает его сердце, когда видит он невесту княжича. И как бьется, когда она ему улыбается. И о том, что впервые в жизни сожалеет о своей потере... Если бы матушка была не так упряма, если бы согласилась принять предложение старого князя, то не Вой бы сейчас был княжичем. А он... Рыж... И это ему приказал бы царь Хорумский породниться с соседским князем. Ему... А не Вою...

Уж потом, через несколько месяцев, когда он немного пришел в себя и смог думать о прошлом, не проваливаясь в ужас и панику, которые заставляли его снова и снова терять разум и бежать куда глаза глядят, ничего не видя перед собой от страха, Рыж понял, какую глупость совершил.

А тогда он ни о чем не думал. В голове звенело от ужаса, а руки и ноги отказывались повиноваться, хотя вештица просто сидела рядом и смотрела на него с легкой улыбкой, словно радуясь тому страху, который он испытывал, видя ее перед собой.

Конечно же, князь не пришел в восторг от мысли, что тот, кто имеет все права на княжеский титул и знает об этом, может спокойно жить рядом, ограниченный только своей собственной совестью. Он долго не размышлял, он всегда принимал решения быстро и уверенно. И едва Рыж закончил говорить, как князь повернулся к вештице и приказал:

- Убей его.

Вештица кивнула и закрыла глаза, призывая Тьму... Рыж тогда замер, скрючившись на полу, раздавленный и опустошенный. Он даже не испугался. Он готов был принять смерть. Он давно смирился с тем, что она будет болезненной и долгой.

- Это неразумно, князь, - Услышал он шепот Вештицы. - этот мальчик еще пригодится тебе... Ты же помнишь, Вою грозит опасность... Я тебя предупреждала... И если ты хочешь сохранить жизнь сыну, ты должен сохранить жизнь и ему...

Она кивком головы указала на Рыжа и добавила с усмешкой:

- Впрочем, если ты настаиваешь, Тьма рада будет принять такое подношение...

И Рыж тотчас почувствовал Ее ледяные объятия. Тонкие нити-щупальца поползли по телу, закутывая его кокон, как паук свою жертву. Там где тьма касалась кожи, боль вспыхивала, как сухая солома в пламени костра. Рыж кричал, срывая горло, но ни единого звука не вырвалось из его рта... Потому что Тьма всегда забирала все... Без остатка...

- погоди! - резкий окрик остановил пытку. И Рыж, плавая в пульсирующем тумане цвета крови, услышал князя. Как будто бы он говорил, уткнувшись в подушку. - Ты говорила, что Вою будет грозить смерть, но разве сегодня это был не тот самый случай?

Вештица насмешливо фыркнула:

- Ты про корень любистока в пирогах?!

- Ядовитый корень, - он поправил ее. Даже закутанный в полог Тьмы, Рыж слышал, что князь злился...

Но вештица будто бы не испугалась. Она расхохоталась:

- Ну, конечно, нет! Ничего бы с воем не случилось. Просто чуть приболел бы. И уже к утру пришел бы в себя...

- Но ты не говорила...

- А ты не спрашивал! - не позволила она перебить себя. - Ты умолял меня спасти Воя... Я сделала все так, как ты велел.

Князь немного помолчал... Тьма не шевелились, и Рыж потихоньку начал приходить в себя.

- Что же... Тогда пусть живет, - в этот раз голос князя звучал четче и ближе. - Только убери из него все это...

- Что именно? - уточнила вештица.

- Воспоминания о прошлом... И чувства к моей будущей невестке...

Теперь задумалась вештица... Тьма, лишившись контроля, зашевелилась...

- Ты же понимаешь, князь, насколько глубоко ты просишь меня залезть? Этот мальчик уже никогда не будет таким, как прежде, если вмешается Тьма... Разум скорее всего к нему не вернется...

- А мне плевать. Главное, чтобы он по-прежнему годился для того, чтобы выкупить у Тьмы жизнь моего сына. А разумным он будет или нет, неважно. Приступай. - отдал он жесткий приказ.

- Хорошо, - вештица радостно рассмеялась.

И в тот же миг Тьма хлынула в голову Рыжа. Невыносимая боль пронзила, как молния дерево, выжигая нутро дотла и через бесконечно длинное мгновение схлынула, оставляя после себя пепелища и красный, пульсирующий туман...

Он даже не почувствовал, как его подняли и вынесли из покоев князя.

В этом тумане Рыж провел много дней... Он чувствовал себя так, будто бы ему заживо содрали кожу. Кровь сочилась по всему телу, он кричал и молил о помощи. Вот только никто не слышал его крик. Потому что все это было в его голове. А на самом деле он лежал без сознания, но живой и здоровый на куче прошлогоднего сена в конюшне, куда князь приказал унести его на следующее же утро.

Более менее Рыж оклемался только к весне. Вопреки словам вештицы, разум к нему вернулся. Правда, Рыж подозревал, что вернулось не все... В его памяти до сих пор были черно-серые от пепла выжженные пустоши. Он не знал, какие воспоминания хранили эти проплешины. Потому что даже приближаться к ним было больно.

Впрочем, больно было и тогда, когда он смотрел на Златославу... Чувства к ней никуда не делись, но один взгляд на жену княжича заставлял его сердце биться в панике, а его самого бежать прочь, сломя голову и не разбирая дороги.

Он стал сторониться людей. Избегать любого общения. Впрочем они и сами не желали с ним говорить. Потому что помнили каким он был. И видели каким он стал.

Рыж и сам едва узнал себя, когда впервые увидел свое отражение в весенней луже... Седой, изможденный старец... Как будто бы Тьма забрала многие лета его жизни.

Он не мог спать. Каждую ночь, он зажигал десяток самых толстых свечей, сворачивался в комок, накрывался одеялом с головой, словно пытаюсь спрятаться от своих страхов, и трясся от ужаса, что ночная тьма может обернуться Ею...

Глава 4

Вой с Рыжем весь вечер провели вместе. Им было о чем поговорить. Но было и о чем промолчать. Княжич не упомянул о своей поездке к Озару и о том, что она родила от него сына. Рыж сделал вид, что забыл о том, что за последние полгода узнал о вештице и князе. Боялся, что Вой не поверит.

Он и сам не знал почему, но после того случая, он стал чувствовать Тьму еще больше. А иногда он даже слышал Ее шепот. Она рассказывала ему о том, что видела, о том, что творила.

Но чаще всего Она уговаривала Рыжа не бояться и принять Ее. И обещалась сделать так, чтобы он, Рыж, получил то, что принадлежит ему по праву: титул князя и Златославу в жены. Он думал, что сходит с ума, пока однажды Тьма не донесла до него разговор между князем и вештицей.

Они говорили о том, что он должен впустить Тьму в себя и стать вештом. Вештица убеждала князя, что Тьма дает мощь и силу, что с такой союзницей он сможет получить все, что во всем мире не будет равных ему.

И князь довольно разглагольствовал о том, что ждет княжество, когда он получит такую силу. Он говорил, что всех ждет богатство и процветание, что остальным князьям придется признать их главенство. А может и не только князьям, но и самому царю...

Наверное, Тьма думала, что такие мечты заставят Рыжа возжелать всего того, о чем вели речи князь и вештица. Но страх перед Тьмой был куда сильнее всех остальных желаний. Хотя иногда Рыж представлял, как все могло бы обернуться, если бы он смог принять подарок от Той, кого боялся.

- Рыж, - Короткий день уже закончился, густые вечерние сумерки зачернили углы в крохотной клетушке прямо рядом с лошадиными стойлами, в которой последний год жил переставший быть рыжим Рыж. - возвращайся в терем, а? Твоя комната все еще не занята. Я сегодня утром перед тем как в Варатру рвануть, сначала туда заглянул. Думал, ты мне записку какую оставил, рассказал куда уехал...

- В Вартару? - нахмурился, чуя неладное...

- Да, - отмахнулся княжич, - просто захотелось прогуляться по городу. Ну, так что? возвращаешься? Будем как и раньше вместе...

- Нет, - помотал головой Рыж. И тяжело вздохнув, пояснил, - не хочу попадаться на глаза князю... Пусть лучше он думает, что я все забыл и потерял разум. Если он узнает, что все не так, то, боюсь, решит повторить... с Тьмой... А я, Вой, слишком боюсь Ее... понимаешь?

- Понимаю, - кивнул Вой. Но Рыж видел, княжич не понимал. Или понимал не до конца.

- А еще я говорил тебе, что когда вижу Златославу... Эта боль невыносима...

В этот раз Вой ответил не сразу. А когда начал говорить, Рыж удивился:

- Жаль, ты сразу не признался мне в том, что она нравится тебе... Тогда, возможно, все было бы по-другому. - Княжич вздохнул. И добавил, - женившись на ней, я сделал столько людей несчастными...

- Скольких? - встрепенулся Рыж. - Только меня...

Вой невесело улыбнулся.

- Тебя, - кивнул. - И Златославу... Я уверен, Рыж, ты ей тоже нравишься... Я же видел, как она смотрела на тебя, и как смотрела на меня. А еще Озару... И себя...

- Озару? - Рыж нахмурился. И спросил осторожно, - неужто не забыл?

Вой мотнул головой. И фыркнул:

- Не забыл. Засела, как заноза, в сердце...

Он похлопал по груди.

- Ладно, - княжич поднялся с топчана, на котором они сидели, и вздохнул, - пойду я... Надо еще с женой поговорить... Выспросить об том, кто мне в питье дурман подливал. Может знает она чего...

- Думаешь она? - нахмурился Рыж. И заступился, - она не могла, Вой...

- Сама может и не могла, - не стал спорить княжич. - А вот мой отец вполне мог и заставить. Ты же его знаешь. Хотя я не понимаю, зачем ему это...

Рыж пожал плечами. Он пока тоже не понимал зачем. Но он знает, у кого можно получить ответы на все вопросы. И ради Воя, готов придержать свой страх и прислушаться к Ее словам.

Возвращаться в свои покои Вою совсем не хотелось. Он немного постоял на крыльце, глядя на ворота крепости и вспоминая, как год назад увидел возок старого пекаря. И как решил потрясти яблоньку напоследок... Кто же знал, что все так обернется?

На душе было мерзко. Слишком резко свалилось на него все...

Нет, Вой и раньше знал, что отец без капли сомнения пожертвует Рыжем, если вдруг придется спасти жизнь наследника. Но как-то не задумывался об этом. Собственная смерть казалась ему нереальной и такой далекой, что и размышлять о ней не было никакой нужды.

А сейчас он вдруг осознал, каково все это время приходилось Рыжу. Он ведь тоже нисколько не сомневался в князе. Вой будто бы впервые увидел себя и свою жизнь с другой стороны. И сразу бросились в глаза те мелочи, которых он не замечал: Рыж ворчал как старая бабка каждый раз, когда княжич ввязывался в сомнительные приключения не потому, что хотел испортить ему жизнь, а потому, что беспокоился за нее гораздо больше самого Воя.

Рыж даже сбежать не мог... Отец не позволил бы ему уйти. Нашел и силой приволок бы обратно.

- Вой, сынок, - голос матери неожиданно прозвучавший из-за спины, заставил его вздрогнуть, - ты грустишь... Что-то случилось?

- Нет, - отозвался он. - Все хорошо, не беспокойся.

Она вышла на крыльцо и встала рядом. За три десятка лет она почти не изменилась, и была столь же красива, как и в тот день, когда отец встретил свою будущую жену. Чистая ханойская кровь молодила ее. Не зря же в народе говорили, что у ханойцев после юности сразу наступает старость. Да самых седин и женщины, и мужчины выглядели словно едва перешагнули детство. Сейчас княгиня походила на ровесницу Воя. Сестру, а не мать...

- Ты вернулась бы в терем...

Ему стало неловко. Ханойская принцесса, даже став женой хорумского князя, не приняла их порядки. И если во время торжественных церемоний, вроде встречи невесты сына, она шла навстречу отцу и надевала платье, положенное княгине, то в обычной жизни отец шел ей навстречу и позволял носить ханойский наряд.

Юная женщина в традиционных одеждах кочевых народов степей, ярких и обильно украшенных разноцветными лоскутами, камнями и кусочками меха, казалась совсем чужой среди сдержанных в одежде хорумцев. Как будто бы ее только-только пленили и привезли в Вартару.

Отцу это нравилось, наверное, он каждый раз чувствовал себя победителем, получившим расположение такой красавицы. А Воя подобная манера раздражала и вызвала глухое недовольство. Он ненавидел ту часть себя, которая принадлежала чужому народу. В детстве даже пытался отмыть смуглую кожу добела, чтобы быть как все.

- Ты вернулась бы в терем, - повторил он, решив, что она не услышала, - смотри, как стражники на тебя глазают.

Они и правда с интересом поглядывали на степную красавицу, забыв про свои обязанности.

Мать сдержано улыbnулась.

Если одежда ханойцев казалась чересчур разнуздана по сравнению с хорумскими платьями, то в части проявления чувств все было наоборот. Ханойские традиции прямо запрещали показывать кому-либо, что на самом деле твориться у них на душе, чтобы никто посторонний не смог проникнуть в их мысли.

- Пусть... За погляд денег не берут, - ответила она хорумской поговоркой. - А я может быть хочу с тобой поговорить...

- О чем? - Вой нечасто говорил с матерью, слишком разные интересы у молодого наследного княжича и княгини.

- Отец говорит, что ты сегодня сам не свой, - мать опять слегка дернула уголок губы, показывая улыбку. - Ты бы, сынок, не расстраивал отца... Он-то для тебя только самого лучшего хочет... Для тебя, да для рода нашего. Жену тебе подобрал самую лучшую. Умница, красавица, какой свет ни видывал. Воительница... Видела я, как она с тобой билась... И не говори, что победа в схватке тебе легко доставалась...

- Не скажу, - кивнул он. - Златослава меч в руках держать умеет.

- И не только меч... Слышала я, как отец твой говорил, будто она и в травах разбирается не хуже какой знахарки. Помнишь, в прошлом году пирогами ты отравился?

Вой нахмурился... Это что-то новое...

- Неужто не знал?! - по-прежнему безмятежно глядя в серое холодное небо, спросила мать, хотя по тону ее голоса он определил, что она удивлена, смущена и слегка испугана теми словами, что вырвались из ее рта.

- Не знал, - буркнул Вой... И сразу вспомнилось, что Рыж говорил про дурман... Мол, а не вештица ли тебя опаивает? Но, выходит, первой-то не вештицу обвинять стоит. Ей-то с чего травами баловаться, если у нее Тьма за спиной? Если чего надо, так только попросить стоит и все...

- Ох, и мне молчать надобно было, - покачала головой княгиня. - Не думала я, что Рыж тебе правду не открыл... Уж он-то знал, сам ходил к ней за отварами...

Рыж ходил к Златославе?!

- Не зря, видать, отец приятеля твоего с глаз долой отправил, - продолжала говорить она. Все так же глядя вглубь небесного простора. - Позаботился, чтоб Рыж с Златославой за твоей спиной недоброе не замыслили. В нем ведь тоже кровь княжеского рода... Ежели с отцом и с тобой что случится, так он запросто может царю поклониться и испросить позволения княжество принять в свои руки. И царь не откажет... Он-то до сих пор, говорят, ту огненную прелестницу, что мать Рыжа родила, с восторгом вспоминает... Говорит, никогда больше такой красоты не встреч...

- Рыж ходил к Златославе?! - перебил Вой мать.

И вроде бы только свечу назад говорил, что легко отдал бы невесту свою брату, но сейчас, когда узнал, что Рыж, имевший тайны от него, от Воя, и Златослава встречались за его спиной, такую ярость почувал, что готов был голыми руками с обоими расправиться.

- Ох, сынок, - отозвалась мать сокрушенно, - ты меня, глупую, не слушай! Я, поди, лишнего сболтнула... Ты лучше отца слушай. Он плохого не посоветует...

А Вой вдруг снова, как совсем недавно в комнате отца почувал, будто пространство вокруг него дрогнуло и зашевелилось. Теплая, чуть влажная Тьма окутывала его, запуская под одежду тонкие щупальца и мягко касаясь кожи. Будто хотела поддержать. Только в этот раз он точно знал, кому она хотела помочь.

Но в этот раз он не испугался и не дрогнул. Не вспомнил про Озару и сына. Не отступил. Слишком зол был на Рыжа...

После ухода вештицы, Златослава металась по опочивальне и не могла найти себе места. Чужало сердце беду, колотилось, как сумасшедшее. И сынок взялся пяткой в низ живота колотить, причиняя дополнительную боль и заставляя переживать еще и о нем.

Только к вечеру улеглась тревога, успокоенная тем, что ничего не случилось. День близился к закату, в опочивальне стало сумрачно и прохладно. Княжна уж собиралась крикнуть девку, чтоб свечу зажгла да углей принесла для того, чтоб согреться. Но не успела, открыла дверь и нос к носу столкнулась с мужем...

И бухнуло сердце в самые кончики пальцев на ногах, стоило только заглянуть в черные, чернее ночи глаза Воя... Вот она беда, которая весь день покоя не давала...

Он молча втолкнул ее в опочивальню и захлопнул дверь. Да, так, что хлопнула она громко и пронзительно, будто самый опытный пастух кнутом шелкнул, сгоняя стадо.

- Вой, - испуганно выдохнула Златослава. Хотела спросить, мол, что случилось, но не смогла. Страх выжег глотку, превращая слова в мелкие острые песчинки, застрявшие в горле.

- Куда собралась?! - прошипел Вой. Не только цвет глаз его изменился, но и голос. Стал глуше и хрипотцой подернулся, будто простыл княжич, хлебнув водицы студеной.

- Девку позвать... - ответила, уже зная, что не поверит муж. Неизвестно чем провинилась она перед ним, а чужала, что прощения мужниного ей во век не видать. - Свечу запалить...

Одна надежда и осталась, что не жену, так хоть дитя свое в чреве ее, Вой пожалеет. Потому, чуть дыша от нахлынувшего ужаса, чувствуя, как по спине побежала капля холодного пота... Будто кончиком пера по ложбинке позвоночника провели... положила ладонь на большой живот, который не мог скрыть самый просторный сарафан, и добавила:

- И углей горячий принести... Похолодало к вечеру. Мерзну. Как бы не заболеть. Дитя беречь надо... Скоро уж родиться...

Она попыталась улыбнуться, силой растянув в стороны уголки губ. Но даже не видя своего отражения поняла, как жалко и натужно выглядела это выглядело...

Вой расхохотался. Громко. Издевательски. Заставляя Златославу съежиться еще сильнее. Тьма пугала.

- Сын родится, говоришь, - зашипел он прищурив глаза, отчего Тьма в его взгляде стала острой как любимый кинжал княжны, которой она всегда носила с собой.

Который и сейчас прятался в потайном кармане ее сарафана. Быстро достать можно. Только глупо... Не испугается княжич. Он сейчас Тьмой одержим и ничего не видит и не слышит, коли видеть и слышать не хочет.

Златослава только слышала о таких... О вештах... Сама ни разу не видела.

Но дедушка рассказывал, что был у них в дружине воин один, что Тьме душу продал. И такой силы воин был, что мог один против целой армии выйти и победить. Мечами его рубили, стрелами в упор расстреливали, а он все одно — вперед пер, ничего не замечая, от ножей метательных, будто от мух отмахиваясь. Тьма в нем жизнь поддерживать станет, Она же и раны залечит почти мгновенно, и силу дарует, такую, что обычному человеку и не снилось, будто наяву услышала голос деда.

Правда и плату за такую силу Тьма берет высокую. Не остановить воина такого, пока хоть один враг живым остался. Всех без разбора убивает: и тех, кто с мечом на него вышел, и тех, кто в кустах спрятались... Ни стариков, ни баб, ни детей малых не щадит. И остается после него пустая земля кровью обильно политая.

А сейчас супротив него не армия вражеская стоит, а беременная баба, пусть и знающая, как с кинжалом управляться.

Потому отступила княжна. Голову склонила, покорность и почтение мужу выказывая, и ответила как на духу:

- По всем приметам сына я ношу. И красота моя женская только больше стала. И тянет меня на соленое и кислое, а не сладкое. И живот у меня острый...

Говорила и чуяла, что не то говорит. Не успокаивают слова ее Воя, а будто бы, наоборот, гнев его подпитывают, сильнее погружая в пучину безумия. Потому и замолчала... Под правой коленкой забились задрожала жилка. А сердце вовсе биться перестало. Замерло в груди, застыло, хотя только что грохотало, что молот кузнечный, заставляя кровь оглушающе пульсировать в ушах.

Потому и услышала тихий шепот княжича...

- Сын, говоришь, родиться... А чей? Мой, али любовника твоего? Брата моего кровного?.. Думала обмануть меня сможешь?.. Думала не узнаю, что ты, сучка течная, тайком от мужа на конюшню бегаешь? А чтоб я тебе не мешался, дурманом меня травишь?

Перед глазами у Златославы потемнело... Схлынула кровь, оставляя после себя потусторонний холод. Зазнобило княжну. Грудь сжало будто в тиски. Не вдохнуть ни выдохнуть.

- Не знаю, чьим наговорам ты поверил, - прохрипела из последних сил. - А я чиста перед тобой, муж мой... Никогда с другим не была... Никому, кроме тебя, не позволяла тела своего коснуться. Твой это сын. Жизнью своей ответить могу...

Вой оскалился:

- Жизнью, говоришь?..

И тут же почувяла Златослава, как нечто незримое, но очень сильное, схватило ее за горло. Сжало... Слегка, не напрягаясь, будто пугая только... А почувилось княжне, будто слышит она, как кости в шее хрустят, рассыпаясь в крошку. Но все же сумела вытолкнуть последнее слово прежде, чем потеряла сознание:

- Жизнью...

Тьма радостно захохотала и швырнула обмякшее тело женщины на лавку.

- Осторожнее, - Вой нахмурился, и постарался приструнить Тьму. Убивать Златославу своего ребенка в его планы не входило. Едва коснувшись Тьмой, княжич узнал: не врал ему княжна. И вправду никто, кроме него, жены не касался. И сын, от его семени зачатый, родиться скоро...

Тьма неохотно отступила и вернулась к нему, сворачиваясь в жесткий и колючий клубок в солнечном сплетении. Ни вдохнуть. Ни разогнуться...

Она помогла ему... А он...

А Вой внезапно понял, Ей не нужна правда... Она желает крови... И если он не даст Ей то, что Она хочет, то она возьмет сама... И эта будет так кровь, что течет в его жилах.

Глава 5

Вой дал Ей то, чего Она хотела.

Когда Тьма насытилась и ушла, оставляя после себя незнакомое сосущее чувство в солнечном сплетении, княжич прислонился к плетеной из камыша стенке овчарни и выдохнул... Все тело мелко дрожало, реальность плыла, от запаха и вкуса крови мутило, а мокрую, липкую одежду захотелось снять прямо тут, но противная слабость окутала его. Больше всего хотелось упасть и уснуть на соломе обильно политой кровью невинных овец.

Он медленно поднял голову, чувствуя, как трясет его, будто столетний старец. Взглянул перед собой... Ночная темнота не помешала ему увидеть валяющихся вокруг него животных, растерзанных его руками.

И закусил губу, ощущая, как жар приближающихся слез, опалил дыхание. В последний раз он плакал давным-давно, в раннем детстве. Когда внезапно, без всяких причин погибла его любимая собака, которую отец подарил ему в день рождения. Какой-то зверь пробрался в крепость и разорвал ее в клочья.

Точно так же, как сейчас он убил две сотни отцовских овец... А может и больше...

Они так кричали... Метались по овчаре и отчаянно блеяли, умоляя о жалости.

Княжич влажно шмыгнул носом и вытер набухшие от слез глаза мокрой ладонью, чувствуя кровь и на лице тоже.

Ему приходилось убивать врагов в бою. Пусть это и было всего один раз, когда он служил на границе хорумского царства.

Он никогда не признался бы никому в таком позоре, но тогда он с трудом пережил ту боль, которая завладела его сердцем. Ему пришлось убить ханойца, решившего под покровом темноты пробраться в хорумскую крепость, чтобы отравить людей. Нет, умом Вой понимал, что поступил правильно. Если бы он не убил лазутчика, то погибли бы и он сам, и его товарищи. Однако никакие доводы разума не смогли успокоить его душу, и он не мог простить себя за содеянное. Именно поэтому он пошел на поводу отца, когда тот решил впихнуть сына в полк царской охраны. Ему не хотелось однажды подвести своих товарищей, не сумев еще раз вонзить кинжал в тело человека.

Ему приходилось охотиться и резать животных. Их смерть была привычной и незаметной. Он человек, а они его пища...

Но сейчас княжич чувствовал себя так, как будто бы эти проклятые овцы были людьми... Как будто бы каждая из этих проклятых животных была человеком!

Может быть потому, что он помнил: когда желание Тьмы вкусить кровь стало нестерпимым, он едва нашел силы, чтобы выйти из терема и добраться до овчарни. Еще немного и на месте каждой убитой овцы на самом деле оказался бы человек. Из тех, кто служил их семье в крепости...

Чтобы хоть немного прийти в себя Вою потребовалось не меньше свечи. Все это время он так и простоял, опираясь в стену. Слезы лились, и он вытирал их ладонью, плечи тряслись от беззвучных рыданий. Он оплакивал каждую принесенную Тьме жертву, понимая, что в следующий раз он может и не справиться с искушением убивать всех, кто попался ему на глаза.

Но как избавиться от Тьмы он не знал. Он по-прежнему чувствовал ее... Сытая и довольная Она задремала, свернувшись плотным клубком в середине груди так, где заканчиваются ребра...

И Вой не знал, когда она проснется снова.

В опочивальню княжич вернулся на рассвете. После того, как заглянул в мыльню и смыл с себя подохшую кровь. Окровавленную одежду он сжег в топке, когда грел воду...

Он слегка пошатывался... Златослава спала, всхлипывая во сне. А Вой ощутил острую, как шило жалость. Он помнил, как чуть не убил ее. Ее и своего сына... Еще немного и они стали бы первыми жертвами Ее жажды.

На столе стоял кувшин с питьем... Вой плеснул отвар в кружку, хлебнул, чувствуя знакомый привкус дурмана. Усмехнулся невесело. Вот и найден отравитель.

И выпил все до дна. Лучше жить в призрачной нереальности, чем снова и снова видеть перед собой людей с перерезанным горлом. Людей, которых он мог бы убить, если бы не удержал, вселившуюся в него Тьму... И, которых, возможно, убьет очень скоро...

Как ни странно, утром все стало не таким страшным. Воспоминания подернулись пеленой забвения. Пролитая кровь стала казаться не настоящей. Будто бы скоморохи устроили представление и облили все вокруг охряной водой.

Тьме дурман тоже пришлось не по вкусу. Она исчезла, оставляя после себя пустоту, которая ощущалась почти физически. Если бы не отвар, подавляющий волю и желание, Вой постарался бы избавиться от этого неприятного ощущения. Позвал бы Ее снова. Может быть.

Но сейчас он велел принести хлебного вина и крепкого пива. Побольше...

- Позволь мне потревожить тебя, муж мой, - Тенгюль осторожно заглянула в его опочивальню. - Я не займу много времени...

Князь улыбнулся и отбросил перо. Письмо можно написать и позже. Дела подождут, если его любимая жена пришла в его покои. Такое редко случалось.

По ханойским традициям жены жили в отдельно от мужа, в своих шатрах. И муж, выбирая, с кем провести ночь, приходил к своей избраннице, чтобы утром снова уйти в свой, мужской шатер. И хотя князь предпочел бы, чтобы жена всегда была рядом, он уважал ее желания сохранить память о своих корнях. Поэтому опочивальни у них были отдельные, пусть князь каждую ночь приходил к Тенгюль.

- Входи, родная, - он вскочил с лавки и, взяв жену за руку, провел ее в комнату. Сама она так и стояла бы на пороге. Усадил на лавку рядом с собой и спросил, - что ты хотела попросить у меня, любимая жена?

Тенгюль вздохнула и опустила лицо. Наедине с ним она никогда не скрывала своих чувств, показывая свое доверие. И сейчас князь сразу понял, что она чем-то очень сильно расстроена...

- Говори, - нахмурился он, - я обещаю, что сделаю все, что пожелаешь, чтобы улыбка вернулась на твое лицо, ночной цветок моей жизни...

За многие лета счастливой совместной жизни, он почти привык плести кружева из слов, как это было принято у ханойцев. И говорил почти не задумываясь.

- Меня беспокоит наш сын, - снова тяжело вздохнула Тенгюль, имя которой и переводилось с ханойского как Ночной цветок.

Князь ответил не сразу... Он понял о чем говорит жена. Ему уже доложили о побоище, устроенном Воем в овчарне. Он уже вызвал сына, чтобы спросить, какого лешего он порезал целую отару тонкорунных овец, которых он совсем недавно закупил за огромные деньги на развод, надеясь поправить финансовое положение княжества. Шерсть этих овец ценилась на вес золота.

Но Вой только отмахнулся от его претензий. Он был так пьян, что вряд ли, вообще, понял, о чем его спросили.

- Я выясню, почему он поступил именно так... Я потратил на эти овец почти все, что сумел скопить за несколько лет...

- Как ты можешь думать об овцах! - перебила его Тенгюль и всхлинула, - наш сын все больше отдаляется от нас, муж мой. Он не вспоминает о прошлом, не думает о будущем. Он живет одним днем...

Она не укоряла, она жаловалась, надеясь на сочувствие мужа. Но он молчал. Потому что Тенгюль во всем была права. Это его вина, что сын вырос совсем не таким, каким его хотели видеть родители. Князь не знал, где он ошибся, и не представлял, как исправить эти ошибки.

- Ты говорил, что очень скоро все изменится. Вой обретет силу, которой нет ни у кого. И прославит себя и все наше княжество на все хорумское царство, - прошептала расстроенная Тенгюль, и умоляюще взглянула на князя. Ее глаза были похожи на чистейшие озера у подножия ханойских степных гор, наполненные влагой до самых краев. Именно там, на берегу хрустального озера, они и встретились.

Князь невольно потянулся, чтобы стереть прозрачную слезу, прочертившую тонкую дорожку по щеке любимой жены. Сердце щемило от жалости, от того, что он не смог сделать так, чтобы его Тенгюль, не пришлось испытывать эту страшную боль.

- Я обещаю тебе, - прошептал он, - скоро все так и будет. Наш сын станет вештом. И тогда все изменится. Мы будем гордиться сыном. А остальным придется считаться ним...

Он коснулся ее щеки кончиками пальцев. Тенгюль сразу же прижалась к его ладони щекой. Будто бы лаковый котенок.

- Тенгюль, - прошептал он хрипло, - моя Тенгюль... Я обещаю... все будет так, как ты хочешь...

Он обнимал ее так же крепко, как в тот самый первый день, когда увидел юную ханойскую принцессу. Она лежала у ног его коня, куда ее бросили воины, и смотрела на него умоляюще полными от слез глазами. Несколько дорожек припорошенных пылью, поднятой во время битвы, расчертили щеки тонкими полосами, вызывая в нем незнакомые до тех пор ощущения.

Тогда ему впервые захотелось стереть слезы с ее лица и сделать все, чтобы она никогда больше не плакала. Только улыбалась...

Сначала ему даже казалось, что все получается. До тех пор, пока не родился их первый сын. Слишком рано, чтобы выжить. Тенгюль плакала. А князь метался по горнице, мучаясь от бессилия. Он думал, что готов на все, лишь бы их ребенок жил, а слезы на лице Тенгюль высохли... Но когда Светлолика предложила обратиться за помощью к Тьме, понял, что не может переступить через эту черту. Пока он пытался убедить себя, что один раз ничего не значит, сын умер.

А он, как дурак, втайне даже обрадовался, что теперь ему не придется принимать трудных решений. Но это была всего лишь небольшая отсрочка.

Второй сын тоже родился слабым и едва дышал. Тенгюль снова плакала. Он не мог больше смотреть на это. И сам пошел к Светлолике. Вот только Тьма отказала ему в помощи. Она наказала его за гордыню. За то, что он считал Ее недостойной себя.

Именно тогда Светлолика озвучила предсказание Тьмы: третий сын будет умирать четыре раза до той поры, когда у него родиться свой сын. Но если князь готов отдать взамен жизни всех своих детей, чтобы этот мальчик выжил, Она поможет.

И князь согласился...

Подсчитал, что байстрюков у него трое... Еще одного заделать и хватит, чтобы сына спасти...

Он готов был на все, чтобы Тенгюль больше не плакала...

Думал, правда, что совесть его за смерть детей невинных всю жизнь мучить будет. Но оказалось, что Тьма совсем не жестокая, как о Ней говорят, а добрая. И о том, что эти дети, вообще, существовали, все вокруг забыли в тот самый миг, когда Она забрала их жизни. И он забыл. Почти. Изредка только вспоминал. Но так, будто бы то в прошлой жизни было. И не с ним, а с кем-то другим.

Ежели бы Тьма не велела сына именами жертв называть, так и вовсе не думал бы о том, что дети эти когда-то были.

Мстивой Борислав Ярый... И очень скоро к ним еще одно имя присоединится... То самое, которое сейчас Рыж носит — Светломир... Сам бы он сына так не назвал, слишком уж для воина не подходящее. С таким и дите вырастет жилым и слабым. Что и случилось, впрочем...

Князь поморщился, вспомнив, как Рыж от одного его взгляда приходил в ужас и валялся у его ног, словно в его жилах не княжья кровь текла, а последнего холопа.

Но Светлолике показалось правильным соединить их имена: Светлолика и Владимир... Глупая баба... Из-за нее теперь Вою такое дурное имя достанется.

- Муж мой, ты меня не слышишь? - всхлипнула Тенгюль, осторожно тронув его за рукав.

Князь вздрогнул. Он и, правда, отвлекся...

- Прости, родная, - повинился сразу, - задумался, не услышал о чем ты просила...

- Я просила запретить Вою пиво и вино пить... Давно уж о том тебя прошу. Хмель для слабых. Ханойские воины в рот не берут...

Князь нахмурился... Раньше-то он от таких просьб отмахивался... Вой не ханоец, а хорумец. Настоящий хорумец вкус хмеля с детства знает. Не по прихоти пиво сыновьям наливают, а по необходимости. Так уж принято в Хоруме, что любое дело за чаркой обсуждается. Коль не выпьешь до дна, значит хозяина не уважаешь и уговор с ним соблюдать не намерен. А чарки-то такие могут быть, что коль к хмелю не приучен, так и помереть можешь... Или такого натворить во хмелю-то, что лучше бы уж помер.

- Муж мой, - Тенгюль вновь легко коснулась его руки...

Князь вздохнул... Вспомнилось, как сын с раннего утра в стельку пьяный к нему пришел... Может, и права Тенгюль... Запретить надобно, пока сын не спился совсем...

- Хорошо, - он накрыл ее маленькую ладошку своей рукой. И прижал, чувствуя, как встрепенулось естество мужское от одного касания с шелковистой коже, пахнувшей ханойскими степными травами. - Будь по твоему, жена моя любимая. Прикажу запереть погреба с вином и пивом и никому без слова моего не отпускать...

И такой благодарностью вспыхнули черные, как ночь, глаза Тенгюль, что у него сердце зашло от радости, что угодил он ей.

Златослава с самого утра чувствовала себя плохо. Все тело болело. Будто не горло ей Тьма руками мужа сдавила, а по всему телу мечом деревянным, тренировочным прошлась. А особенно низ живота тянул. Нехорошо так... Неприятно... Незнакомо...

Если бы в отчем доме дело было, то княжна, не мешкая, велела бы знахарку позвать, чтобы убедиться, что с дитем во чреве материном все хорошо. И травку какую попросила бы для покоя. Но вештицу звать не хотелось. Ежели вчера Тьма дите не пожалела, то неужто сегодня жалость проявит? Боялась Златослава, что только хуже сделает...

Потому и не сказала никому и ничего. Думала расходится, пройдет, боль утихнет... Но она становилась все сильнее, расходясь по телу кругами, как волны от брошенного в воду камня. Заныла поясница. Ни сесть, ни лечь, ни встать... Так и металась по опочивальне, так и крутилась на перинах, пытаясь найти положение, в котором ей полегче станет. И никак не могла найти.

Ежели бы Вой рядом был, так может взял бы на себя решение трудное: позвал бы вештицу. Но он исчез еще утром, оставив после себя только несколько пустых кувшинов из-под пива и самого крепкого вина.

Как и раньше... Только не было ставшего уже привычным тяжелого, крепкого запаха перегара, от которого не спасало даже распахнутые настезь, несмотря на промозглую осень, ставни.

Промаявшись до полудня, измученная княжна решила. И отправила девку к княгине. Матушке мужа она доверяла больше всех в этой крепости, несмотря на ханойские одежды и

странные привычки, свекровь казалась ей самой чистой, Тьмой не тронутой. А значит безопасной.

Княгиня примчалась тут же. Влетела в опочивальню, один взгляд на бледную, измученную болью княжну бросила и тут же принялась приказывать раздавать. Забегали девки. Одна кувшины из-под хмеля убирать взялась, другая сундуки потрошить, свежее белье доставая, третья за водицей теплой помчалась, чтоб княжну обтереть, четвертая улетела к вештице с наказом немедленно явиться в покои княжича.

А сама княгиня присела на краешек кровати, раскинув яркие, расшитые цветными лентами и кусочками меха юбки и положила ладошку на выпирающий живот. Провела ласково, будто котенка погладила. И почудилось княжне, что полегче ей сразу же стало. Будто боль послушно затихла, позволяя чуть расслабиться и дышать ровнее.

- Не бойся, невестушка, - улыбнулась княгиня, - все хорошо будет... Уже этой ночью дитенка родишь, матерью станешь...

- Этой ночью? - ахнула Златослава, живот руками обхватывая. Будто защищая от напасти неведомой. - Так еще ж рано! Мне еще четыре седмицы ходить!

Княгиня тихо рассмеялась:

- Видимо нетерпеливый у тебя малыш-то. Надоело ребенку в материнской утробе сидеть, родиться пораньше хочет, чтобы отцу и матери в глаза взглянуть.

- Но как же...

- Не бойся, - не позволила ей говорить княгиня, - мы обо всем позаботимся. С твоим сыном все будет хорошо...

И так взглянула на княжну, что вздрогнула она... Почудилось, будто видела Златослава уже где-то точно такой же взгляд. И было в нем что-то такое, что заставило ее испугаться. И смириться со своей участью.

Глава 6

То была первая ночь, когда Рыж спал спокойно. Тьма как будто бы забыла о нем, и не пришла проведать, прячась в темных углах конюшни. Утром он впервые за много дней проснулся отдохнувшим. И даже управляться с лошадьми стало легче. И навоз таскать... Хотя еще вчера эта обязанность эта, которой «наградил» его князь, казалась тяжелой и позорной повинностью, напоминавшей о том, что он — байстрюк, не достойный жить в тереме отцовском.

Рыж так радовался тому, что Тьма оставила его в покое, и поначалу пропустил весть, о которой гудел весь хоздвор: страшный зверь пробрался в крепость княжью, и всех овец тонкорунных, только недавно князем купленных, растерзал. В крепости зверю-то неоткуда было взяться, потому и подумал, что слуха малость преувеличивают. Как обычно. Оно ведь как бывает: в одном конце крепости кашлянул, в другом скажут, что от лихоманки помер.

А как рассвело, так от князя приказ пришел о звере забыть и не болтать о случившемся, чтоб за стены крепости ни словечка не просочилось. Тогда-то Рыж неладное заподозрил. Ежели бы то зверь опасный был, так, наоборот, надобно, чтоб каждый в Варгаре об том узнал и защищать свою скотинку готовился. Зачем такое скрывать-то?

Потому, когда приказ на конюшню пришел: двух конюхов на помощь овчарам отправить, Рыж сам вызвался, чем несказанно удивил и порадовал товарищей. Никому из них почему-то не хотелось туда идти. Словно боялись чего-то. И у каждого тут же дела нашлись. Срочные.

Вместе с ним на подмогу Пахом отправился, самый старый конюх, который к конюшне прибил, когда еще отец князя нынешнего княжичем был. Всегда скупой на слова и замкнутый, он и сейчас, глядя перед собой из-под косматых бровей, молча топал рядом с Рыжем.

Старик тяжело ступал по мерзлой земле большими ногами и зимой и летом обутыми в порывшие от времени валенки, и опирался на сучковатую палку, которую заменяла ему посох.

Рыж с досадой поморщился. От такого помощника и пользы никакой. Лопатой он, навоз убирая, еще худо бедно махать может. А вот тушу овечью сволочь ему точно не под силу.

- Ты бы, дед, не ходил в овчарню-то. Слышал там овец за сотню было. Коли зверь всех подрал, так поди придется весь день туши таскать. Стало быть пользы от тебя все равно никакой. Шел бы ты обратно...

Старик бросил на него скупой взгляд. И хмыкнул. Вроде усмехнулся, да как-то невесело. И проскрипел еле слышно:

- Молодой ты еще, Рыж. Глупый. Ежели князь велел сор из избы не тащить, значит неспроста это. Как бы тебе самому не пришлось обратно бежать, коли увидишь, как «зверь» пировал на овчарне... Не зря мужики на все готовы, чтоб от помощи отбрехаться.

Рыж нахмурился... Ему и так-то не нравилась история со зверем неведомым. А сейчас он точно услышал, старик по особому это слово выделил. Выходит «зверь», Рыж мысленно повторил за ним, не в первый раз в крепости шалит?

- Ты хочешь сказать, такое и раньше было? Но я никогда не слышал...

- Потому и не слышал, - кивнул Пахом, - что княже молчать велел.

Рыж и замолчал... Тем более дошли уже. Много ли места в крепости-то... От конюшни до овчарни шагов пятьдесят не больше. И вот еще загадка: почему никто не слышал, как «зверь» на овец напал? Ладно он, Рыж, считай в первый раз за много дней спал спокойно, потому что Тьма ушла. Но остальные-то должны были услышать. Стража, например. Они ж, поди, на посту...

Рыж задрал голову, разглядывая сторожевую башню как раз напротив овчарни. Не могли не слышать... И еще...

- Чем это пахнет? - сморщил он нос.

Рядом с местом, где зверь пировал, появился тяжелый, пугающий запах... Такой густой, что не понятно было, почему его по всему двору не слышно...

Старик хмыкнул, но ничего не ответил. Только полез в карман и достался две большие тряпицы. Одну протянул Рыжу:

- Держи... На нос повяжи... А то сомлеешь еще внутри-то...

Рыж насупил брови, пытаясь все всем разобраться. Он чуял, разгадка где-то рядом, но никак не мог ее увидеть. Молча взял тряпицу и повязал, закрывая нос и рот, точно так же, как Пахом...

Старик тяжело вздохнул... Словно воин перед боем... Взял лопату, которой навоз в овчарне убирали, и протянул вторую Рыжу...

- Ну, пошли, что ли...

Голос из-под повязки звучал глухо. Но Рыж уловил... Пахом боится. Боится того, что там, внутри; того, что сделал этот «зверь».

Смутная догадка забрезжила в голове, заставляя с силой сжать древко лопаты. Аж костяшки пальцев побелели. Дыхание невольно сбилось, от запоздалого страха. Если бы не затупил он с самого начала...

Тьма... Это точно была Тьма... Потому и не чуял он Ее этой ночью.

Сердце ухнуло в пятки... Он два раза был там, внутри, когда «зверь» получал свою жертву. И знал, насколько все это страшно. Но Рыж никогда не думал, что видят те, кому потом приходится убирать место жертвоприношения.

Что ж... Черенок в руке жалобно скрипнул... Сейчас он все увидит своими глазами...

Рыж решительно шагнул в темноту овчарни вслед за Пахомом, старательно стараясь не думать: ради кого вчера вештица положила всех овец... Он ведь знал: Тьма не любит кровь животных. Ее любимая пища — человеческие жизни. А за овцу Она только от простуды избавит. И то, если попросить хорошо.

Уборку они с Пахомом закончили только после полудня.

Рыж бросил тележку, на которой они отвозили остатки темного пиршества в свежую яму, выкопанную на задворках... И прислонился к стене, чувствуя, как трясутся колени... Стянул промокшую от его дыхания и слюны повязку... Опустил веки, пытаясь забыть и отрешиться от реальности... Затоснило... А перед глазами вновь появилась картинка, которую он предпочел бы никогда не видеть: несчастные овцы превратились в куски мяса, покрытые густой черной слизью. Их пришлось сгребать лопатой, а не таскать тушами. И пахло это месиво так, будто бы седмицу, не меньше, пролежало на самом солнцепеке. Было бы чем, Рыж снова сблевал бы... Но в желудке уже ничего не осталось. Даже желчи.

Послышались шаги... Дрогнула стена... Пахом бросил лопату и встал рядом, прислонившись к нагретым на солнце доскам.

- Замаялся? - Старик хрипло дышал, несмотря на возраст работал он наравне с Рыжем. - Ничо... Щас в баньку сходим... Намоимси... Княже нам новую одежду выделит... Эту-то только в печь... И деньгой не обидит... Дочке на приданое корову куплю... Она-то в следующем годе замуж пойдет... Сосватана уже... Ежели бы не царский указ, так с первым снегом оженили бы... Или ежели бы княже позволил супротив царского указа пойти... В прошлом годе-то Абсею, поди, позволил... А мне сказал, мол, неча тебе, Пахом, супротив судьбы переть... Лучше за девкой смотри, чтоб как у Абсея не вышло...

Рыж вздохнул... Болтовня старика отвлекала... И он слушал его, чтобы не думать о том, что произошло этой ночью в овчарне. И когда Пахом замолчал, спросил только для того, чтобы поддержать разговор... Все равно никакого Абсея он не знал...

- А что у Абсея вышло?

- Ну, дак... Ты не слышал, что ль? - Пахом фыркнул. И охотно начал рассказывать. Ему тоже хотелось отвлечься разговорами. - Абсей-то у князя нашего испросил позволения дочку замуж отдать на год раньше. Сказал, мол, чую смерть близка, княже. Некому за дочкой присмотреть, а жених уже вон... Имеется, значит. Князь-то и позволил ему дочку замуж отдать супротив указа царского. Он-то живо к свату своему будущему, мол, давай, сватов отправляй. Пришли они девку-то сватать, а Озарка им от ворот поворот дала. Мол, другой мне люб...

- Озарка?! - встrepенулся Рыж... - Уж не про пекаря ли ты разговор ведешь?

- Про него, - кивнул старик. - Знаешь, стало быть?

Рыж мотнул головой. Нет, он-то кое-что знал. Но Пахом явно говорил не об этом.

- Не знаешь? Ну, тогда давай в баньку шагай, я тебе по пути все обскажу... А то невмочь уже вонь эту нюхати... В этот раз «зверь» дюже сильно лютовал-то... Обычно ему петуха, али пары овец хватает... Иногда, правда, и хуже бывает, когда соскребаешь с пола заместо овец...

- Пахом запнулся и не закончил, резко переходя на другое, - а Абсей-то возьми и помри от расстройства на следующий же день. Другая девка бы рыдала, себя винила за то, что отца слушалась, да до смерти его довела. А Озарка, говорят, ни слезинки не проронила. Ежели б не Добромир, дядька ееный, так и вовсе отца без погребения оставила бы...

Он тяжело вздохнул и добавил:

- Э-эх! Ну, и молодежь нынче пошла... Ни стыда, ни совести... Ежели бы мы в молодости такое учинили, отец бы терпеть не стал... Тут же хворостину сломил бы и по голому заду отходил... чтоб не повадно было, супротив старших идти... Погодь-ка! - Старик, тяжело дыша, остановился, - Куды ж ты так бежишь-то прытко. За тобой же не угонишься... Чай, не молод я уже... Эх, палку свою у овчарни забыл... Сбегай-ка за ней, что ли? А я пока отдышусь... А потом обскажу, что дальше было...

Он прислонился к холодной каменной стене терема княжьего и замер, пытаясь отдышаться. Банька для работников находилась в противоположной стороне и до нее следовало бы идти вдоль стены крепостной, чтобы вонью, от них со стариком исходящей, воздух не портить. Но Рыж, по привычке, рванул напрямки...

Если их кто увидит в таком виде, князь жутко недоволен будет. Негоже грязь через княжий терем таскать. Но возвращаться не хотелось. И за палкой бегать тоже. Рыж, вообще, предпочел бы забыть, что овчарня эта проклятая существует...

Потому, долго не думая, подхватил старика под руки и потащил в сторону баньки:

- Давай-ка я тебе, дед, дойти сам помогу... А вместо палки твоей старой, да сучковатой, трость новую вырежу. Цветами да узорами украшу... Видел, небось, у князя трость, когда он охромел лет пять назад? Моя работа...

- Видел, - Пахом почти повис на руках Рыжа, - неужто сам сточил?

- Сам, - кивнул он.

И вздохнул невесело. Он тогда три ночи корпел над тростью, надеясь задобрить отца. Все свои невеликие умения в нее вложил. Он-то самоучка, хотя вештица, когда Рыж подарок свой вручил, сказала, мол, кровь не водица... Род ее, и Рыжа стало быть, резчиками по дереву славен был... Князь же только несколько раз взял трость в руки, пока нога болела. А после, видать, закинул куда подальше... или вовсе сжег... Потому что никогда больше Рыж ее не видел.

- Лады, - согласился Пахом. - Ежели и мне такую смастеришь, то я уж так и быть согласен палку свою верную оставить...

А потом, хмыкнув, добавил:

- И мне в овчарню возвращаться не хочется. И баранину я, пожалуй, исть пока не буду... Ну, ее... Жирная слишком...

Про Абсея и Озару разговор зашел уже в баньке, когда сидели они с Пахомом пропарившись как следует и вонь от овец Тьмой погубленных из тел выбив ароматными веничками запаренными в горячем травяном отваре.

И пахло теперь от них душицей, мятой и чистотой. Видать, тот, кто баньку топил с утра пораньше, знал к чему готовиться надобно. Потому и огонь в печурке еще горел вовсю, когда они пришли. Обычно-то в баню идут, когда даже угли прогорят, и одежду не жгут, а в стирку откладывают...

Рыж забеспокоился было, никакой новой одежды на лавках не лежало, но Пахом только посмеялся над товарищем, мол, не торопись. Сначала помыться надобно, а потом и новая одежда будет. А пока тебе и холстины хватит: и на полок постелить, и самом укрыться в предбаннике-то.

И то верно, как вышли они после первого пара отдышаться, так на лавке уже и одежда новая лежала, стояли две кружки и крынка кваса холодного, только их погребла. Квасок разлили и обратно в баньку. На холоде-то долго не постоишь, а в жару парном квасок холодный вкуснее кажется.

Расселись на полке, сунув между стеной закопченной и спиной по венику, чтоб не запачкаться... Сажу-то потом замаешься отмывать. Жирная она... Крынку в середку поставили... Там еще по кружке на брата кваса-то было... Вот тогда-то Пахом и заговорил об том, что Рыжа интересовало:

- После похорон Милослав-то сызнава к Озаре со своим предложением сунулся, мол, теперича выбора у тебя нет, надобно взамуж выходить за сына евоного.

- И она согласилась? - Пахом замолчал, квасок прихлебывая, и Рыж не выдержал...

Старик довольно фыркнул, ему нравилось, что молодой парень, княжича молодого верный друг, так внимательно слушает. И как опытный рассказчик, он слегка подогрел любопытство длинной паузой. А потом заговорил снова, то ли отвечая на вопрос Рыжа, то ли просто продолжая сказывать, будто никакого вопроса и не было.

- А девка возьми и откажи сызнава. Мол, не могу я, дядька Милослав. Сам же потом меня корить за то, что согласилась, будешь...

- Да, с чего?! - воскликнул Рыж, переходя на просторечье, - да, ежели предлагают, то чего думать-то? Чай, бабе одной без мужика жить невозможно... Особливо одной... Стыдоба же...

- Вот-вот, - кивнул Пахом. - Так Милослав ей и высказал. А она заявила опять, мол, не хочу взамуж за сына твоего. Другой мне люб.

И старик опять замолчал, делая вид, что квас холодный его куда больше интересует, чем ерзающий от нетерпения Рыж.

- И что дальше-то было?

- Что-что, - вздохнул с деланным притворством Пахом, - а дальше у Озарки пузо на нос полезло...

Рыж как раз кваса хлебнул. И от вести такой неожиданной подавился и закашлялся, пуская квас носом...

- Вот-вот, - довольно хмыкнул старик и со всей дури ударил Рыжа по спине ладонью, то ли помогая, то ли калеча... - Оказалось, жених ееный, когда узнал, что Абсей разрешение на год раньше дочь замуж выдать испросить желает, не сдержал желаний своих, да девку насильничал. Потому она и отказала ему... Пришлось Милославу дядьке ееному, Добромиру, что в княжьей страже служил, виру платить. А сынка своо он так отходил, что тот еле поднялся. Тогда-то Озарка его простила... И взамуж пошла... Свадьбу уж в этом году играли, самые морозы. Ждать-то невозможно было... Летом Озарка уж сына родила.

Старик говорил-говорил, рассуждал что-то о нравах среди молодой поросли, но Рыж уже его не слышал. Он вспомнил, как приходила Озарав крепость по осени, приносила те самые

пирог, из-за которых Рыж оказался на конюшне. И просила, чтоб позвали ей Воя... Мол, поговорить надобно...

У не о том ли собиралась Озара сказать княжичу, что под сердцем ребенка его носит?

Холодок страха промчался хребту, заставляя сердце забиться в тревоге... Неужто Вой по-глупости дочке пекаря дитя заделал? А если об этом князь прознает? Ждет мальчишку такая же невеселая жизнь, что у него, у Рыжа... От каждого шороха вздрагивать, каждой тени бояться, каждый миг ждать, что придут за ним, чтобы Тьме на откуп отдать... И тогда опять кто-то будет сидеть в баньке попивая холодный квасок и радоваться, что получит новую одежду и деньги, чтоб корову купить...

- Кудой-то ты собралси? - встрепенулся старик. - Нас теперича до самого вечера трогать на станут. Можно не торопиться, попариться хорошенько. Когда ж еще доведется-то...

- Надо мне, - ответил Рыж, торопливо натягивал новую рубаху, едва ли заметив, что ткань куда хуже чем, та, к которой он привык.

Штаны тоже были сшиты из грубой ткани, и к тому же болтался он в них, как вошь на аркане. Ничего... До своей каморки добежит, а там в свое переоденется... В таком виде-то его к княжичу не пустят. А ему надо...

Рыж твердо решил, что все расскажет Вою... Он должен знать, что в Вартаре у него есть сын, жизнь которого может стать разменной монетой между Тьмой и князем.

До каморки своей добежал он беспрепятственно. Прав был княжич, никто в комнатке Рыжевой не появлялся. И не прибирался тоже. Вон как пылью все покрыто... Зато сундуки целые. Ничего не пропало. Хотя Рыж не перебирал свое добро. Схватил одежду, что сверху лежала, торопливо переоделся, и выбежал прочь, желая как можно быстрее найти Воя.

Но в дверях, нос к носу, столкнулся с вештицей...

Глава 7

- Далеко собрался? - усмехнулась вештица, вталкивая застывшего от неожиданности Рыжу обратно.

Он отступил, онемев от придавившего к земле страха, который побежал по жилам, стоило Рыжу только увидеть, кто стоит перед ним.

Вештица шагнула следом и заперла за собой дверь отрезая их двоих от всего остального мира. Рыж перестал дышать: ужас, скользнув по хребту холодной железной цепью, сдавил горло. Будто собирался задушить его...

Рыж не отрываясь смотрел на вештицу. Он не моргал, слишком страшно было закрыть глаза даже на миг и пропустить момент, когда она призовет Тьму.

- Не бойся, - кривая улыбка-ухмылка исказила лицо вештицы. Одновременно, ее черные, равнодушные глаза скользнули за спину Рыжа, бегло осматривая его каморку. - А у тебя здесь миленько... Только пыли много... Крикнул бы девку, чтоб убрали тут у тебя... Нельзя в такой грязи жить...

В ушах гудело, будто вокруг шел сильный дождь. Речи, которые завела вештица, так сильно отличались от того, что и как она говорила раньше, что Рыж скорее поверил бы, что ему послышалось...

Но вештица обошла его и присела на топчан, на котором он спал... раньше... И повторила:

- Не бойся... Я тебя не трону...

И через короткую паузу добавила:

- Она сегодня сытая и довольная... Благодаря Вою...

Рыжу потребовалось несколько ударов сердца, чтобы понять. Но именно это и заставило его отмереть. Страх за брата оказался сильнее страха за себя...

- Вою?! - переспросил он. - Ты хочешь сказать Это сделал Вой?! Но почему?!

- Почему? - невесело фыркнула она. И вздохнула, - ты еще спроси, почему я стала такой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.